

Андрей Козырев

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Стихотворения

Омск 2017

ББК 84(2 Рос-4 Ом)6-5

К 593

К593 Козырев Андрей

Запретный город: сборник стихотворений. – Омск, КЦ Акцент, 2018. – 190 с., ил.

В новом поэтическом сборнике члена Союза писателей Москвы Андрея Козырева представлена избранная лирика за 2008-2018 гг.

Оформление и рисунки автора.

© А.Козырев, 2018 г.

Живущий речью

Андрей Козырев – поэт настоящий. Потому что жив он – речью. Потому что его слова – частицы речи. Потому что его стихи – существуют в стихии речи. Русской речи. Именно русской. Всеобъемлющей, уникальной, поистине грандиозной – по своим возможностям. Восприимчивой – и независимой. Строгой – и раскрепощённой. Щедрой на откровения. Сулящей постоянные открытия. Зовущей за собою – вперёд, вглубь и ввысь. Являющей собою – дар свыше. Свободной. Родной.

В стихах Козырева явь и фантазия, повседневность и мечта, тонкий лиризм и эпический размах, медитация и своеобразная игра, философские рассуждения и чудесный наив, деликатная ирония и максимальная искренность, пристальное внимание к деталям и смелые обобщения, жизненный опыт и желание осмыслить и выразить тайны бытия, да и многое другое, все компоненты его поэтики, весь арсенал его средств изображения, весь этот ясный свет, пронизывающий стихи, сохраняющий их, земной и небесный, весь этот строй, музыкальный, певучий, звучащий везде и всегда, весь этот мир, создаваемый в непрерывном движении, – существуют в неразрывном единстве.

Со словами высокими, даже порой патетическими, – дружны слова совершенно будничные, придающие стихам замечательную достоверность. Не случайно Иннокентий Анненский утверждал, что будничные слова – самые сильные. Иногда слова Козырева совершенно естественно становятся просто музыкой – как в верленовских "Романсах без слов". Но притяжение земли, знакомой почвы, велико – и вот его, как Антея, после всех полётов и воспарений тянет вниз, ко всему, среди чего он вырос, где живёт, к его нынешней среде обитания. А потом – звучит новая песня. Или – сказка. Или – обращение к предшественникам, переосмысление их стихов. Или же – возникают свидетельства того, что происходило ранее или происходит сейчас, и на этом фоне отчётливо слышен голос очевидца событий, и дыхание летописи ощутимо тогда в каждой строке, ну а может быть, это – светопись, вопреки злу, во имя добра. Грусть и радость, изумление и восторг, разумная

сдержанность и выплески чувств, отчаяние и счастье, вера, надежда и любовь, – и всё это, с прерывистым или ровным дыханием, с чутким слухом, с ежесекундным, пристальным взглядом в происходящее, – жизнь, и творческий диапазон Козырева необычайно широк, и ему необходимо говорить, потому что ему есть что сказать людям.

Вот и я говорю. О том, что Андрей Козырев – поэт настоящий, говорю я всем современникам, людям двадцать первого века, пишущим стихи и любящим стихи, да и тем, которые когда-нибудь ощутят присутствие поэзии в нашем непросто, как и прежде, мире, потянутся к ней, как на некий зов, и станут её приверженцами, – говорю открыто и прямо. И слов своих, сказанных ныне, я на ветер, как и всегда, ибо речью я жив, не бросаю.

Владимир Алейников

Запретный город

Дмитрию Мельникову

*В запретном городе моём,
В оазисе моём –
Аллеи, пальмы, водоём,
Просторный белый дом.*

*Туда вовеки не войдут
Ни страх, ни суета.
Там жизнь и суд, любовь и труд
Цветут в тени Креста.*

*Там тысячью горящих уст –
Лиловых, огневых –
Сиреневый глаголет куст
О мёртвых и живых.*

*Там полдень тих, там зной высок,
Там всё Господь хранит –
И прах, и пепел, и песок,
И мрамор, и гранит.*

*Там миллионы лет закат
Горит во весь свой пыл,
Там голубь осеняет сад
Шестёркой вещей крыл.*

*Дрожит в тени семи ветвей
Горящая вода,
И в дом без окон и дверей
Вхожу я без труда.*

*Там, в одиночестве моём,
Заполненным людьми,
Звучат сияющим ручьём
Слова моей любви.*

*Там огненно крылат закат,
Оттуда нет пути назад...
Но где они, не знает взгляд,
Ищу их вновь и вновь –
Запретный дом, запретный сад,
Запретную любовь.*

ВИШНЁВЫЙ САД

ВОРОБЬИНАЯ ОДА

Дмитрию Соснову

Неужели тебя мы забыли?
Для меня ты всегда всех живей –
Спутник детства, брат неба и пыли,
Друг потех и забав, воробей!

Ты щебечешь о небе, играя,
Неказистый комок высоты, –
Сверху – небо, внизу – пыль земная,
Между ними – лишь ветка да ты!

Как ты прыгаешь вдоль по России
На тонюсеньких веточках ног –
Серой пыли, особой стихии,
Еретик, демиург и пророк.

В оптимизме своем воробейском,
Непонятном горам и лесам,
Научился ты в щебете детском
Запрокидывать клюв к небесам.

Воробьиною кровью живее,
От мороза дрожа, словно дым,
Я, как ты, ворожу, воробею,
Не робею пред небом твоим.

И зимой, воробьясь вдохновенно,
Не заботясь, как жил и умру,
Я, как ты, воробьянка вселенной,
Замерзая, дрожу на ветру...

Но, пока ты живёшь, чудо-птица,
На глухих пустырях бытия
Воробьится, двоятся, троится
Воробейная правда твоя!

ЧУДАК

Вспоминая Адия Кутилова...

Во мне живёт один чужак,
Его судьба – и смех, и грех,
Хоть не понять его никак –
Он понимает всё и всех.

Смутнее кожи смех его,
И волосы лохматей слов.
Он создал всё из ничего –
И жизнь, и слёзы, и любовь!

Из туч и птиц – его костюм,
А шляпа – спелая луна.
Он – богосмех, он – смехошум,
Он – стихонеба глубина!

Чужак чудес, в очках и без,
В пальто из птиц, в венке из пчёл,
Он вырос ливнем из небес,
Сквозь небо до земли дошёл!

Он благороден, как ишак.
С поклажей грешных дел моих
Он шествует, и что ни шаг –
И стих, и грех, и грех, и стих!

Он стоязык, как сладкий сон,
Как обморок стиха без дна.
Смеётся лишь по-русски он,
А плачет – на наречье сна.

Пророк вселенской чепухи,
Поэт прекрасного вранья,
Он пишет все мои стихи,
А после – их читаю я!

Он – человек, он – челомиг,
Он пишет строчки наших книг,
Он в голове живёт моей
И делает меня сильнее!

ПРОЧНОЕ В СМЕНАХ

Александрю Кушнеру

Рябина на ветру,
Рабыня всем ветрам,
Скажи, когда умру,
Скажи, что будет там.

Рябина на ветру,
Рубин живой души,
Верши свою игру,
Пляши, пляши, пляши!

Твори, твори, твори
Свой танец, свой испуг!
Воскресни, вновь умри
И оживи – для мук!

Листвы осенний пляс
Под собственный напев
Изобразит для нас
Наш страх, и боль, и гнев.

Упряма, устал, угрюм,
Иду в тени ветвей,
Не вслушиваясь в шум
Глухой судьбы своей.

Лечу я без следа,
Как суетливый снег,
Из жизни – в никуда –
За так – за миг – навек.

Манит запретный путь,
Хмельная тянет страсть
Устать, упасть, уснуть,
Забыть, убыть, пропасть.

Не вычитан из книг,
Непредсказуем бой.

Просторен каждый миг,
Наполненный собой.

Крепи, корявый ствол,
Мощей древесных мощь,
Чтоб дважды ты вошёл
В один и тот же дождь!

Не превратится в дым
Мой путь, мой след, мой труд,
Всё в жизни, что моим
На сей Земле зовут.

Рябина на ветру,
В крови, в огне, в заре,
Учи меня добру,
Учи меня игре,

Учи, как без труда
Прорваться – в монолит,
Туда, туда, туда,
Где мрамор и гранит,

Где боги и быки,
Где век и бег минут
В мои черновики,
В словесный рай, войдут.

...Огонь листвы во мгле,
Пробушевав свой век,
Приблизился к земле
И тело опроверг.

Созвездье русских слов
За гранью жития
Мне обещает кров,
Где отдохну и я.

НА МОТИВ РОМАНСА

Гори, гори, моя звезда,
Над нашей скукою космической,
Над суетой межгалактической,
В которой мысли – ни следа.

В своём сиянье термоядерном,
За миллиард парсек от нас,
Гори, сияй так зло и яростно,
Как будто Бог тебя не спас.

Наш небосклон цветёт могилами –
Не я сказал, сложилось так.
Царит меж звёздами унылыми
Межгалактический бардак.

Звезда моя, звезда туманная,
Куда умчалась та весна,
Когда, всегда одна, меж пьяными,
Ты шла у моего окна?

Казались мне наивной сказкою
Тепло твоих прозрачных щёк,
Касанье губ, сухих и ласковых,
И тонких пальцев холодок...

Теперь на небе, несказанная,
Цветёшь ты в ангельском саду –
Ложь, облечённая в сияние,
Плоть, облечённая в звезду.

Ты опаляешь воск в подсвечниках,
Пиитам шепчешь по ночам
Про жития великих грешников,
Про смерть Ивана Ильича.

А я – без рода и без племени,
Со всякой сволочью на «ты».
На горб взвалил я бремя времени,
И мудрости, и нищеты.

Уйду, как в гроб, в утехи плотские
И никого не прокляну –
Ни эти звёзды идиотские,
Ни эту глупую луну.

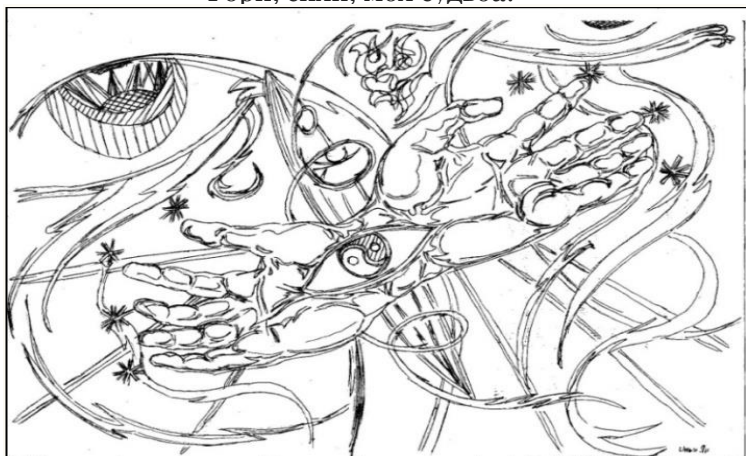
Всё из единой глины слеплено,
И, значит, было всё не зря –
И крик из глотки эпилептика,
И кровь из носа бунтаря.

Гори, гори, свети неистово,
Ведь в мире, что нам свыше дан, –
Довольно подленькие истины,
Довольно розовый обман.

Твоих лучей нездешней силою
Вся грязь земли озарена...
Сияя над своей могилою,
Ты, как и я, пьяным-пьяна.

Мой горб пробивши, крылья выросли –
Не оттого ль, что жизнь – борьба?

.....
Над скукой, тленом и немилостью
Гори, сияй, моя судьба!

«Инь и Ян»

ПРОЩАНИЕ С МАИРОМ

Ф.Сологубу

Не надо слов. Храни печаль в душе.
Я знаю, что и у тебя такое.
С тобою мы не встретимся уже
На золотистых берегах Лигоя.
Мы жили там, но жизнь была иной,
Прозрачной, светлой,
к синим звёздам ближе.
Звезда Маир сияла надо мной...
Прощай, Маир, тебя я не увижу.

В стране Ойле течёт река Лигой.
Она горит без дыма, как Россия.
Там светится на небе голос мой,
Похожий на звезду в сиянье синем.
Там есть мой голос, но там нет меня,
Там над домами зеленеет пламя,
Там бог – живой – выходит из огня
И говорит о будущем стихами.

Число и мера – боги наших дней.
Они, как и в Египте, птицеглавы.
Я вспоминаю об Ойле моей –
Там наши боги были бы неправы.
Мы здесь живём в стране, которой нет,
Но нам завидуют иные страны,
А их отцы смеются им в ответ
И принимают земляные ванны.

Здесь бродят люди, полые внутри,
Храня в себе запас истлевших истин.
Хоть сотню раз воскресни и умри –
Их мир всё так же будет глуп и выпретен.
Но не забыта будет на Земле,
Нам изнутри сжигающая лица
Моя любовь с космической Ойле,
Страны, которая в мозгу таится.

На Венецию падает снег,
На Венецию сходит туман,
Будто весть от того, кого нет,
Будто тени ушедших славян.

И в каналах темнеет вода,
И фасады белеют во мгле,
И на небе не сыщешь следа
От стопы, что спешила ко мне.

Чёрным кружевом тонких дорог,
Белой пряжей снежинок седых
Так увлёкся назойливый Бог,
Что забыл о молитвах моих.

Только шёпот воды в темноте,
Только рябь исчезающих дней,
Только муза идёт по воде
С головою кровавой моей.

В занебесной Венеции той,
Что парит над судьбою моей,
Бесконечный и мёртвый покой,
Бесконечная рябь серых дней.

Город-сон, парадиз небылиц,
Где покров беспорядочно-бел,
Только люди гуляют без лиц,
Отдыхают от дел и от тел.

От венецов остался лишь дым,
От венецов остался туман,
Только именем пришлым моим
Окликает их Марк-великан.

Город-сон, иллюзорный навек,
Смутно брезжит сквозь рябь серых стран...
На Венецию падает снег,
На Венецию сходит туман.

ПАМЯТИ ЕВГЕНИЯ ЕВТУШЕНКО

Что ж, свершилось. Тает снег.
Умер сам Двадцатый век.
Значит, вот таков удел
Всех бессмертных в мире тел.

Ты идёшь к великим в даль –
Боговдохновенный враль,
Скоморох, пророк, поэт,
Уленшпигель наших лет.

Помню хмель твоей вины,
Острый взгляд из глубины,
Помню твой – сквозь морок лет –
Незлопамятный привет.

Скудный дар тебе дарю –
Тем же ритмом говорю,
Что Иосиф, милый враг,
Провожал певцов во мрак.

Этим шагом начат год.
Этим шагом смерть идёт.
Так шагает старый бог:
Раз – шажок, другой – шажок.

Шаг за шагом – в темноту,
За последнюю черту,
Где ни лжи, ни естества,
Лишь слова, слова, слова.

Ими правил ты, как бог.
Ты себя ломал, как слог,
Рифмой острой, как стилет,
Нервы рвал десятки лет.

Ты – мишень и ты же – цель,
Как Гагарин и Фидель.
Белла, Роберт и Булат
Ждут, когда к ним встанешь в ряд.

А тебя, – прости всех нас, –
Хоронили много раз.
Что ж, воитель и герой,
Умирать нам не впервой.

От твоих трудов и дней
Нам осталось, что видней –
Твой обманчивый успех,
Твой оскал, твой едкий смех.

Рыцарь, жулик и герой,
Ты, меняясь, был собой –
Яд со сцены проливал,
Отравляя, исцелял.

Под задорный, острый взгляд
Мы глотали этот яд –
Вместе с миром и тобой,
Вместе с Богом и судьбой.

Ты – виновник всех растрат,
Жрец и рыцарь всех эстрад.
Ты горел, сжигал, сгорал,
Но скупым ты не бывал.

Что ж, обман твой удался.
Ты в бессмертье ворвался.
Всё простится за чертой
За надрыв и ропот твой,

За глухой тупик стиха,
За огонь и мрак зрачка,
За блистательность ошибки,
Черноту черновика.

Ты сейчас стоишь один
Средь заоблачных равнин –
Справа – свет, налево – тьма,
Снизу – Станция Зима.

Сценомирец, дай-то Бог,
Чтоб остался жгучим слог,
Чтоб талант твой не иссяк
На эстраде в небесах.

Что ж, прощай. Закрылась дверь.
Что осталось нам теперь?
Этот ритм – ать-и-два –
...и слова, слова, слова.

ШЕСТИКРЫЛЫЙ СЕРАФИМ

Пушкину

Бесплоден был твой нищий пыл,
Которым тешил ты гордыню,
Но я, прозрачен, шестикрыл,
Сошёл к тебе в твою пустыню.

Я снизошёл к твоим мольбам,
К избытку твоего сиротства,
И дал твоим пустым словам
Мощь собственного первородства.

Я чуть коснулся лба крылом,
Пронзив твой мозг огнём озноба,
И опаляющим огнём
В мозгу запечатлелась злоба.

Я бросил взор к тебе в глаза,
Как равный – равному, как другу, –
И в них обуглилась слеза,
И стал, пылая, видеть уголь.

Моя прозрачная рука
Коснулась губ твоих устало –
И пламя вместо языка
В гортани смертной заплясало.

Я дал тебе свои глаза,
Отдал тебе свой слух и силу –
Чтоб понял ты, что знать нельзя,
Чтоб мощь в тебе заговорила.

Ослепнув, огненным перстом
Коснулся я чела седого –
И ты издал протяжный стон,
Который обратился в слово.

И грудь тебе я разорвал,
И злое сердце сжёг победно,

И в окровавленный провал
Вошёл незримо и бесследно.

Я страшный дар тебе принёс,
Я, вестник славы и обиды,
Я, в зрелости кровавых слёз
Убивший первенцев Египта.

И ты восстал. И я без сил
Ушёл в огромный сумрак крови,
Струящийся меж тёмных жил,
К войне от века наготове.

Крест четырёх координат,
Не видимый обычным взглядам, –
На нём отныне ты распят,
А я – незримо плачу рядом...

Встань, пророк, гори, живи,
Казни царей нездешней вестью,
Неся в своей слепой крови
Слепого ангела возмездья!

РЫЦАРЬ БЕДНЫЙ

Жил на свете рыцарь бедный,
Молчаливый и простой,
С виду сумрачный и бледный,
Страшной мыслью занятой.

Он имел в ночи виденье –
И, щитом закрывши грудь,
Сквозь века, сквозь поколения
Поскакал в бессмертный путь.

Весь в крови, густой, невинной,
Хитрым ворогам назло,
По равнинам Палестины
Мчался с саблей наголо.

Неподкупный, бледный, юный,
Веря строгим небесам,
Он сжигал Джордано Бруно
И сгорал с ним рядом сам.

Чтоб народ странною правил,
Чтоб весь год цвели поля,
Штурм Бастилии возглавил,
Обезглавил короля.

Видя в небе Божьи знаки,
Алый свет издалека,
Нёсся в газовой атаке
Впереди всего полка.

Бедный, бледный, бестелесный,
Отпускал ворах грехи,
Под бомбёжками пел песни,
Декламировал стихи.

На весь мир горланил речи,
В чёрной мгле искал путей,
Строил газовые печи,
Жёг в них старцев и детей.

Звонко распевая песню,
Голову совал в петлю,
Веря, что вот-вот воскреснет
И продлит судьбу свою.

Жил на свете рыцарь бедный,
Умирал и воскресал.
Алым светом – всепобедным –
След сапог его сиял.

В диком упоенье боя,
В миг, когда он убивал,
Меч руководил рукою,
Панцирь телом управлял.

Но в тиши исповедальной,
Снизойдя во тьму времён,
Всё безмолвный, всё печальный,
Ожидал знаменья он.

Рыцарь, что же вы молчите?
Что ваш взор так хмур опять?
Славе с Болью – вашей свите –
Есть что вам о вас сказать.

Но туда, где райской дверью
Тучка рыжая горит,
Рыцарь смотрит, рыцарь верит,
Рыцарь плачет и молчит.

Или мозг устал пророчить?
Или кровь не горяча?
Рыцарь поднимать не хочет
Больше старого меча.

Слишком много в жизни дикой
Крови, боли и обид...
Только старый меч-владыка
Так же им руководит.

ДЕВЯНОСТЫЕ

Юнне Мориц

Девяностые, девяностые –
Дни кровавые, ночи звёздные...
Грусть отцовская, боль привычная...
Это детство моё горемычное.

Трудно тянутся годы длинные,
И разбойные, и соловьиные...
В подворотнях – пули да выстрелы,
А над грязью всей – небо чистое.

Вот и я, мальчишка отчаянный,
Непричёсанный, неприкаянный.
На глазах детей – слёзы взрослые...
Девяностые, девяностые.

Дома маются, пьют да каются –
Водка горькая, желчь безлунная...
И во мне с тех пор кровью маются
Детство старое, старость юная...

Искупают с лихвой опричники
Смертью горькою жизни подлые...
И так тесно, так непривычно мне,
И так жарко и пусто под небом.

Жить без возраста, жить без времени –
Вот судьбина какая вздорная!
Выбрал Бог да родному племени –
Душу светлую, долю черную.

И не взрослые, и не дети мы –
Разве мало изведаль скитаний я?
И столетьями, и столетьями –
Испытания, испытания...

Девяностые, девяностые –
Дни кровавые, ночи звездные...
Кражи, драки – под солнцем яростным...
Это детство моё – старше старости.

Любой, кто засыпает, одинок.
Кто б ни был рядом, ты – в отдельном мире,
Но в той вселенной есть твой городок,
В нем – тот же дом и тот же мрак в квартире.
Бывает, погружаешься во мрак,
А в нем – всё лучше, чем при свете, видно:
Грязь, неуют, за домом – лай собак,
Что скалят зубы, злятся: им обидно
На пустоту, в которой тяжело...
Но за стеной спокойно дышит мама,
Сквозь стены слышишь ты её тепло
Всем существом, своею сутью самой.
Да, ты – дитя. Но, увлечённый тьмой,
Ты постигаешь холод жизни краткой,
Вперив глазёнки в тёмное трюмо
Напротив детской маленькой кровати.
Там – то ли тень, а то ль твоё лицо,
А то ли кто-то третий, страшный, страшный,
Кто время сна жестоко сжал в кольцо...
Но думать, *кто*, не важно. Нет, не важно.
...Страшилка это или анекдот,
Воспоминанье, ставшее лишь знаком?
При свете мир давно уже не тот...
Но в темноте он вечно одинаков.
Днем – жизнь, дела: не выйти за черту.
А ночью – тот же детский страх спасенья,
И тот же лай собак на пустоту,
И тот же Третий меж тобой и тенью,

И – сквозь пространство – мамино тепло...

Пропись в клеточку. Ручки. Пеналы. Учебники. Книжки.
В клетку – фартук девчонки, потрёпанный свитер мальчишки.
В школе мы то дрались, то мечтали быть вместе годами...
Мы за клетками парт в клетках классов сидели рядами.

Нас свобода звала, словно небо – проверенных асов,
Мы сбегали из клеток домов, и занятий, и классов,
И бродили всю ночь, и мечты, словно вина, бродили...
Мы по шахматным клеткам судьбы, как фигуры, ходили.

А потом, не боясь, что понизит судьба нам отметку,
Словно в классы, играли и прыгали с клетки на клетку:
Из мальчишества – в зрелость, от счастья – к прозренью и плачу,
От него – кто в запой, кто-то – в бизнес, кто – в храм, кто – на дачу...

А страна – посмотри с небосвода – вся в клетках огромных,
Словно дни нашей каверзной жизни, то светлых, то тёмных.
Создавали решетку следы от плетей и ударов:
Белый след – от сведенья лесов, черный след – от пожаров.

Где теперь те девчонки, что в клетчатых платьях ходили?
Где мальчишки, что, с ними враждуя, их горько любили?
Словно клетчатый лист из тетради, памяти их судьбы:
Кто-то жив и здоров, а кого-то – успеть помянуть бы...

Каждый в клетке сидеть обречён до скончания века:
Кто-то в офисе, кто-то – в тюрьме, кто-то – в библиотеке...
...А кому-то, наверно, родные леса и сады
Прямо в клетчатый фартук земные роняют плоды.

ВИШНЁВЫЙ САД

В твоих глазах цветёт вишнёвый сад.
В моих глазах дотла сгорает небо.
Ассоль, ты помнишь, – триста лет назад
Всё не было на свете так нелепо?

Ещё земля не пухла от могил,
Ещё людей на свете много было,
И ветер цвёл, и камень говорил,
И солнце никогда не заходило.

Ты помнишь, как спускались к морю мы,
В глазах плясали солнечные блики,
Тогда, ещё до ядерной зимы,
И как сладка тогда была клубника...

Моя Ассоль, корабль не придёт.
Не плачь. Смотри, не говоря ни слова,
Как надо мною чёрный свет встаёт
Столбом – от лба до неба молодого.

Смотри: всё небо – в алых парусах.
Они цветут, кровавые, как рана.
А позади – мечты, надежды, страх,
И шум волны, и пристань Зурбагана...

Ты знаешь, мы насадим новый сад.
В моих глазах ещё осталось место.
Пусть расцветёт надеждами наш ад,
В котором я – жених, а ты – невеста...

Пусть совершится скромный чумный пир.
Пусть нас обманут глупые надежды.
А завтра Бог создаст нам новый мир,
Но мы в нём будем теми же, что прежде...

Прости меня. Я выдумал тебя,
И этот мир, и ядерную зиму.
Я мог бы жить, не грезя, не любя,
Но мне творить миры необходимо.

Вишнёвый сад цветёт в твоих глазах.
Мы вырубим его, насадим снова.
Ассоль, ты заблудилась в чудесах,
Которые творю я силой слова.
Ты видишь – нет меня, я – тлен, я – прах,
Я создал мир, я растворён в веках,
Где нет ни будущего, ни бывшего,

И небо, небо – в алых парусах...

ОДИН В КОМНАТЕ

Поэма сумерек

**Один человек
И одна большая муха
Сидят в гостиной...**

Из японской поэзии

1

Осенний вечер. Дом холостяка.
За окнами чуть слышно дождь бормочет.
Как мотылёк, накрытый чашей ночи,
Мой стих дрожит, впиваясь в край листка.
Слова чисты от старой шелухи.
День убегает серыми дворами.
И сумерки, стекая вниз по раме,
Неслышимо слагаются в стихи.

И комнат молчаливое тепло,
Раздвинутое сумерками жизни,
Звучит в тиши как будто с укоризной –
Ты понял, как тебе не повезло?...
Кому, зачем всё это было надо –
Преподнести мне за мои грехи
Безлюдный дом, и горечь листопада,
И тишину на дне моей строки?...

...Иголкой в стоге потерялось лето,
А осени безмерна глубина.
Растаивают в сумраке предметы,
И в чайнике дымится тишина.
Всё это было. Только было проще
Сгореть мне в сером сумрачном огне,
Где дождь осенний сухо, тихо рошчет –
Он так устал гримасничать в окне...

В тиши чуть слышно тикает будильник.
Уходят звуки чередой во тьму.
Желудок голоден, как холодильник,
И холод общий – в нём, во мне, в дому...
И пустота глядит с небес с укором.
Невзрачен жизни серый ореол.
И каменное яблоко раздора
Декоративно украшает стол.

2

Сникает, наклоняясь, у окна
Сухой букет среди сумерек бездонных,
И над часами с медным скорпионом
Пульсирует и плачет тишина,
И древний шум реликтовых морей
Из раковины, привезенной с моря,
Доносит голоса любви и горя
Иных, бессмертных, пролетевших дней...

В молчанье втрое значим каждый звук.
Мой космос расширяется – украдкой.
За гобеленом, вышитым прабабкой,
Прядёт свою вселенную паук.
Цвет, звук, предмет – ушли в страну чудес.
Мир связан, как платок, из пряжи серой.
В окно моё вторгается без меры
Космическая седина небес...

Дождь сыплется из арок небосвода.
Звучит природа, как органный зал.
Господь, изъязв поэта из природы,
Ему свои законы предписал:
Наперекор дороге вдаль идти,
Любить, творить, искать всему причины,
В сплетениях астральной паутины
Вслепую находить свои пути.

Но, сколько ни скули и ни пророчь,
Стихов разнокалиберная стая,

Страницы тонких сумерек листая,
В глазах мелькая, улетает в ночь,
А есть – лишь серость, сухость, пыль и прах,
Круги холодных сумерек над нами.
Их серое неслышимое пламя
Сжигает мир в холодных зеркалах...

3

Патриархальных сумерек урок
Пришёлся кстати. Для моих попыток
Познать себя ещё не минул срок.
И небеса развёрнуты, как свиток.

Путь к небесам немислим без борьбы.
Дорога через потолок – короче.
Пусть за окошком чёрный грифель ночи
Начертит свой чертёж моей судьбы!

Придёт пора пасти свои стада –
И я пойму: учить мне было надо
Несложную науку листопада
Лететь из ниоткуда в никуда –

В те незамысловатые края,
Где вечны персонажи тихой драмы –
Пустынный дом, и дождь, прилипший к раме,
И жёлтый лист, и сумерки, и я.

УХО ВАН ГОГА

Наш мир стоит на Боге и тревоге.
Наш мир стоит на жертве и жратве...
У жертвы, выбранной жрецами в боги,
Перевернулся космос в голове.

Его холстов бессмертные ошибки –
Зрочка безукоризненный каприз:
Плывёт над садом облако улыбки,
И в облаке струится кипарис.

Пылает ухо в пурпурном закате,
Кровь виноградников пьянее книг,
И пузырится звёздами хвостато
Ночного неба чёрный черновик.

Сухой голландец, тощий и небритый,
Сам для себя – дурдом, дурман и страх,
Взирает на подсолнечье с палитрой,
Сжимая трубку старую в зубах.

Он слышит сердцем звуки небосмеха,
Он ловит кистью Божий смехолуч,
И ухо отзывается, как эхо,
В ушах листвы и в раковинах туч.

Он совершит святое разгильдяйство –
Мазком к холсту пришьпилит высоту.
Джокондовское снится улыбайство
Подсолнухам, врисованным в мечту!

Звенит над храмом небо колокольно,
Чтоб нам зрочки от скуки протереть,
Но всё же вечно смотрим мы – невольню –
Туда, куда так больно нам смотреть!

Прозрачная идёт по склону лошадь,
И жалуется ей сквозь холст Ван Гог,
Что башмаки его устали слушать
Рассказы неоконченных дорог...

Творец в сверкальне сна полужеркален.
С холста струится солнечная кровь.
Мозг гения прозрачно гениален,
И сквозь мозги сквозит сквозняк богов!

2

Вот он идёт – не человек, – дурман,
Дурман небес, чудачества лекало.
Он пьян, давно упал бы он в бурьян,
Когда б за крылья небо не держало.

Он пьян, но не от нашего вина,
А от другого, – горше и суровой.
Кровь виноградников всегда красна,
Как солнце, конопатое от крови.

Он пил всю ночь глухой абсент легенд.
Полынный вкус небес во рту дымится.
Абсент легенд – священный элемент,
Он миражам даёт черты и лица!

А рано утром, только он проспится,
Увидит Бог, живой в его зрачке,
Как солнце сквозь подсолнухи струится,
Бушует, пляшет в каждом лепестке!

Пусть барабанит в жилах кровь-тревога,
Пусть грают птицы, небо вороша, –
Подсолнечье – вот небеса Ван Гога!
Подсолнухи звенят в его ушах!

Художество не худо. Всё – оттуда,
Где метеор – взамен карандашей.
Да, вот такая амплитуда чуда –
От неба до отрезанных ушей!

БЕЗУМНОЕ ЧАЕПИТИЕ

У меня в гостях весь год –
Хоть ты по лбу тресни! –
Заяц Мартовский живёт,
Распеваёт песни.

Он – известнейший поэт,
Он – артист прекрасный.
Мне он посвятил куплет,
Я ему – две басни.

Он играет и поёт
Там, где счастье зыбко,
Там, где сам Чеширский кот
Потерял улыбку.

С ним – весёлый Воробей
Пляшет под гармошку.
Дом без окон и дверей
С ним теплей немножко.

А в углу, от книг пустом,
Чужд житейской скверны,
Белый конь сидит в пальто
Сером, безразмерном.

Мудрое его лицо
Говорит о многом,
И звенит в носу кольцо
Вдумчиво и строго.

В домике моём – уют,
Игры, хороводы.
Гномы чай из кружек пьют,
Мажут бутерброды.

Много в жизни есть забав,
Много в небе зноя.
Чай из золотистых трав
Пахнет тишиною.

Длится карнавальный сон,
Длится в каждом слове,
И всё тот же белый слон
Гимн трубит слоновий.

...Знаю, этот сон во сне,
Сказка-небылица,
Как-нибудь приснится мне
Всё-таки приснится.

Что ещё среди обид
Нужно человеку?
Ларчик заперт. Ключ укрыт.
Перстень
брошен
в реку.

НЕ ТОЛЬКО О ПИДЖАКЕ

Кто я такой? – Поэт. Брехун. Чудак.
Меня таким придумали – не вы ли?
Ромашками давно зарос пиджак.
И валенки грязны от звёздной пыли.

У времени прибой есть и отбой.
Я установлен, как закон, в природе, –
Не бегая за модой, быть собой,
Ведь солнце, не меняясь, вечно в моде.

Пусть дни текут, как чёрная волна!
А у меня – на берегу заката –
Среди волос запуталась луна,
А губы пахнут космосом и мятой.

Бог поцелует мне обуглил лоб,
И мне плевать, что обо мне болтают:
Какой неряха, чудик, остолоп, –
Пиджак цветёт, и валенки сияют!

К МУЗЫКЕ

Музыка – муза и мука,
Топот духовных погонь,
Вочеловеченность звука,
Мыслящий треском огонь!

Музыка – мука и муза,
Звуку дающая вес –
Вес векового союза
Трели, зари и небес!

Музыка – света примета,
Что недоступен уму.
Музыка умного света
Скрипками брызжет во тьму!

Музыка – горло и ухо,
Ухо, что в сердце вросло,
Ухо проросшего слуха –
В песне, где свету светло!

Музыка – сила бессилья!
Выше всех вешек и вех
Скрипка влетает на крыльях
В ангельский плачущий смех!

Музыка тайного тока,
Что из звучащей земли
В нас перешёл, – мы до срока
В звук, словно в двери, вошли!

Музыка, древнее древо,
Где растекается мысль, –
Древнее древо напева,
Соки влекущее ввысь!

Сочная, спелая мука
Нас у земли украдёт,
Как Апокалипсис звука,
Библия скраденных нот.

Ноты, что скрадены Богом,
Собраны Бахом в ладонь,
Станут надёжным итогом
Наших дорог и погонь.

Музыка ангельских ноток,
Вписанных в каменность лбов, —
Словно без крови, без пота —
Почва, судьба и любовь!

* * *

У каждого свой Бог.
У каждого свой Суд.
Но люди из всех эпох
Судьбы на Суд несут.

У каждого свой ад.
У каждого свой рай.
Повесься иль будь распят —
Изволь, поэт, выбирай!

Осина, цикута, крест,
Отрава, петля, костёр...
Одна нам благая весть:
Не нам завершать сей спор —

Спор памяти и судьбы,
Спор ада и горних сфер...
Рабы мы иль не рабы?
Чья лучше — из сотни вер?

Уверуй, трудись, молись,
Воскресни, опять умри...
Но тянет благая высь,
Но манит огонь зари!

Мы ищем в беде побед,
Плывём по теченью спин...
У каждого — личный свет.
А мрак, он на всех — один.

О РОЗАХ И ЕЩЁ О ЧЕМ-ТО

(Почти центон)

Не дорожи, поэт, любовью народной,
Ведь ни одна звезда не говорит
Моим стихам, родившимся так рано,
Что голос вопиющего в пустыне
И гений, парадоксов друг извечный,
Считали пульс толпы и верили толпе.
Умолкла муза мести и печали,
Но выхожу один я на дорогу
Поэзии таинственных скорбей...
Когда бы грек увидел наши игры!
Всё перепуталось, и некому сказать:
«Как хороши, как свежи были розы»...

О СЕБЕ

Жизнь моя – всеми цветами сразу горящий светофор.

ВЕРЕСК ЦВЕТЁТ

1 января 2017 года

Январский день настал. Кругом бело.
Бело в окне морозное стекло.
За ним белеет тучный небосвод.
За ним белеет тощий новый год.
Белы деревья, тропы и кусты.
Белы дома, дороги и мосты.
Белы пути во тьму из пустоты.
Белы Иуды, Савлы и Христы.
Белы стихи, что я сейчас пишу.
Белёс и воздух, коим я дышу.
Белеет свет, белеет даже мрак.
Белеют тишина и лай собак.
Прохожие белеют за окном.
Белеют вера, родина и дом.
Белеет смерть. Белеет белизна.
Бела зима. Белым-бела весна.
Бел новый год, и век, и тыща лет.
На белизне не виден белый след.
Внутри меня, в груди – белым-бело.
Мне в белизне бездомно и тепло.

Белеет Бог. Белеют рай и ад.
Белеет луч, не знающий преград.
И призрак, проходящий по домам,
Не доверяет нашим белым снам.
Он ищет в нас хоть каплю черноты,
Чтоб подчеркнуть неявные черты
Отличия любого от любых,
Что делают из нас людей живых.
Он бродит по белёсой пустоте,
Он ищет яви в призрачной мечте.
Он заблудился в нас. Он не найдёт
От нас ведущий к Богу чёрный ход.

Завален чёрный ход. И бел сугроб.
Бела улыбка губ, бел нос и лоб.

Глядят на небо белые глаза.
Глядит из глаза белая слеза.
Всё замело. Всё скрылось. Всё ушло.
Во мне и за окном – белым-бело.
И белизна, скользя по белизне,
Тихонько шепчет мне о той весне,

Когда проснётся спящий в людях Бог
И в пустоте напишет первый слог.

БОЛЬШАЯ ОДА НЕВЕСОМОСТИ

*Тёмно в комнатах и душно.
Выйди ночью – ночью звездной,
Полубуйся равнодушно,
Как сердца горят над бездной.*

Блок

Плывёт над миром невесомый снег.
Плывут снежинки, глупые, как чудо.
Как в сказочном неповторимом сне,
Мерцанье Рождества плывёт повсюду.
Плывёт, клубится свет от фонарей.
Плывут туманы; всё вокруг поплыло.
Над нищетою тощих пустырей
Рождественский трезвон плывёт уныло.
Плывут стихи, звучащие во мне.
Плывут напевы праздничной метели.
И я плыву на белой простыне,
В глубокой, словно обморок, постели.

Плывёт вся комната вокруг меня,
И шкаф, и стол, и стул, – весь мир знакомый.
И мне не надо зажигать огня,
Чтоб убедиться, как всё невесомо.
Плывёт мой дом среди белых облаков.
Плывут кусты за окнами, сугробы.
Плывёт фонарь, упрям и бестолков,
Свет изливая из своей утробы.
Всё сдвинулось: дома, сады, мосты.
Не тешься сказкой об ориентире:
Всё изменилось полностью, и ты
Себя бы не нашёл в смещённом мире.

Плывут друзья, – кто спит и кто не спит.
Плывут дела их, и слова, и мысли.
Плывут кровати по кругам орбит,
Что среди вселенской пустоты повисли.
Плывут цари, герои, дураки.
Плывут их сны, как ёлочные блёстки.
Плывут меж звёзд цветочные ларьки,

Пивные и газетные киоски.
Плывут такси, прицепы, поезда,
Их сны пусты, наивны и бездонны,
И глупо удивляется звезда
Плывущему навстречу ей вагону.
Плывут в пространстве брюки, пиджаки,
Что вырвались из тесных магазинов.
Плывут стихи и их черновики,
Плывут плакаты, слоганы, витрины.
Плывут отроги Гималайских гор.
Плывут во мраке первоэлементы.
Плывёт морской одышливый простор.
Плывут в первичной магне континенты.
Плывёт всё то, что здесь мы говорим
Так глупо, так торжественно и мило.
От берега плывёт к другому Крым.
Не движутся во тьме одни Курилы.

Плывут шакалы, тигры и слоны.
Плывут гиены, пальмы, крокодилы.
Плывут не виденные нами сны,
Взошедшие из черепной могилы.
Плывёт меж звёзд изысканный жираф.
Трамвай, плывя, звенит, – он заблудился.
Плывёт во тьме яснополянский граф,
Которому предвечный свет открылся.
Плывут планеты, звёзды и миры.
Плывёт сам Млечный путь за три квартала.
Плывут законы, правила игры,
В которой жизнь нас тщетно создавала.
Плывёт Господь и видит нас во сне –
Во сне мы спим и спящим видим Бога,
И Он плывёт на белой простыне,
Раскинутой, как млечная дорога.

Плывёт Господь. Плывут добро и зло.
Плывут слова, и мысли, и желанья.
Плывёт в нас потаённое тепло,
Плывут непережитые страданья.
Плывёт всё то, что было и что есть,
Что можно и нельзя поведать словом.

Мы суждены покинуть нашу весь
И плыть, и плыть за грань всего земного.

Да, невесомость наших слов и дел
На Рождество становится нам ясной.
Неведом нам наш собственный предел,
И это так нелепо и прекрасно.
Когда Господь приходит к нам с небес,
Земля и небо сходят с мест извечных,
И всё, что мы творим, теряет вес,
И всё бессмысленно и безупречно.
Нигде нельзя застыть хотя б на миг.
Пристанища нам нет и нет приюта.
Плыви, плыви, младенца первый крик,
Среди раскола, хаоса и смуты!
И тьма опять безвидна и пуста,
И дух над нею носится, как птица,
И человек один, как сирота,
Глядит в лицо ей и себя боится.
Уроки левитации сложны.
Вино и хлеб нам не даются в руки,
Плывут от нас, во мраке не видны,
По правилам космической науки.
И всё плывёт. Куда ж нам плыть, друзья?
Нам в нас самих открыла жизнь дорогу,
Но одному идти по ней нельзя....
Кремнистый путь блестит во тьме, скользя.
И спит земля.
И небо внемлет Богу.

ПАДЕНИЕ ГИГАНТОВ

Шумит метель. Бушует сад.
Ломая ветви, ветер свищет.
Дома, прижавшись крепче нищих
Друг к другу, кучкою стоят.
Цветёт метельный белый ад.
Взгляд заблуждается в метели.
Нет смысла в ней, как в жизни – цели.
По всей земле царит распад.
Но в этом я не виноват.

Снега, как атомы, летят.
Распался мир. И каждый атом
Летит и мнит себя крылатым,
Но только общий вихрь крылат.
Атомопад и смыслопад.
Всё падает. Все онемели.
Всем слышится, как в ад метели
Гиганты с круч небес летят.

Летят громады белых тел,
Летят колоссы, исполины.
Их боль страшна, неутолима.
Их мукам не найти предел.
На штурм небес идут ветра
И падают к нам в сад беспроко.
Кружится снежная морока.
Вершится страшная игра.

Летят гиганты над землёй.
Исхлѣстаны метелью руки.
Сад слышит крики, ропот, звуки
От сшибок тел, что рвутся в бой.
Все мускулы их сведены
Последней мукой, зовом плоти.
Снега, измучившись в полёте,
Ломают ветви бузины.

Плывѣт пристройка, огород.
Чернеют дачные амбары.

Метель наслала злые чары
И разомкнула круг забот.
И крылья ангелов шумят
Над садом, над землёй, над адом,
И сквозь пургу, с распадом рядом,
Сияет чей-то белый взгляд.
Бог спит. И ширится распад.
Но в этом я не виноват.

И так уже невыносим
Мир, созидаемый сном Бога,
В котором – трепет, и тревога,
И Рим, и Иерусалим,
Пиры, гаданья и костры,
Варфоломеевские ночи,
Паденья – круче, дни – короче,
И злее – правила игры...

И в этом мороке снегов
Я – младший подмастерье Бога,
И сквозь распад лежит дорога,
В которой я – ваятель снов.
Мне должно спать, и спать, и спать,
И видеть мир, в котором пали
Гиганты, и стонать в печали,
Но снов своих не изменять.
Метель шумит. Растёт распад.
Но в этом я не виноват.

Мы спим. Бог месит нас, как глину.
Он лепит нас из наших снов.
Низверженные исполины
Несут нас в ад сплошной лавиной,
И мы, виновны и невинны,
Все вместе льём и пот, и кровь.
Бог спит. Он видит страшный сон.
И глубина его бездонна.
И я, в своём забвеньи сонном,
Гляжу наверх со дна времён,
Сияньем в небе повторён.

Все спят: и сад, и суд, и ад.
Метель видений нарастает.
Всё рушится, летит, блистает,
Витает, кружится и тает,
Как сон, сто тысяч лет подряд.
Уснул Господь. Мир исчезает.
И в том никто не виноват.

ПЕСНЯ

Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание чёрной воды.

Тяжело оно, горько, дыханье воды,
Налита она болью ушедших веков...
Как в ночи под сияньем мятежной звезды
И шуршит, и шумит, и волнуется кровь!

Этим холодом поздним дышала душа
Над прудом, полным чёрной влюбленной водой,
Чтоб потом – прорасти стебельком камыша
Над страданьем своим, над тоской, над бедой.

А большой небосвод – всё молчит и молчит,
Словно сверженный царь,
словно изгнанный раб,
Но заплачет кулик, и мой слух задрожит,
Словно по тишине вдруг расходится рябь...

И толкует о чём-то пугливый камыш,
И вздыхает, вздыхает над чем-то вода...
Из краёв, где от века – безбрежная тишь,
Нет свободных путей никому, никуда...

...Этой ночью, быть может, себе на беду,
Я проснусь под сияньем мятежной звезды,
Я из дома пойду к вековому пруду,
Чтоб услышать дыхание чёрной воды.

ВЕРЕСК ЦВЕТЁТ

Стихи, навеянные сном

*Я не видела Вересковых полян –
Я на море не была –
Но знаю – как Вереск цветёт –
Как волна прибоя бела.*

Эмили Дикинсон

Я увидел во сне поле в синих лучах,
Я увидел: во мне загорелась свеча,
Я увидел цветы, я увидел восход
Над простором, где вереск весною цветёт!

Нет, не зря мы старались, сгорали и жгли:
Наши зёрна сквозь время в простор проросли.
Окупись, словно поле, в лиловый огонь
И на синее солнце взгляни сквозь ладонь.

Что случилось? Куда ты умчалась, тоска?
Всё, как прежде: эпохи свистят у виска,
Но воскресшие души глядят из цветов
Прямо в сердце моё, где из пламени – кровь!

Земляником покрыт край молочной реки,
И в цветах открываются чудо-зрачки:
Инфракрасные Божии смотрят глаза
Из цветов – сквозь меня – сквозь любовь – в небеса!

А давно ли вставал я, как дым, из земли
И во мне, словно пули, гудели шмели?
Но Господь, как ладонь, аромат мне простёр
И цветами озвучил бессмертный простор.

Это вереск цветёт, это вереск цветёт,
Это хрупкий сквозь землю пророс небосвод,
Это нота, которую слышал Господь,
Обрела на мгновение душу и плоть.

Это вереск цветёт! Это вереск цветёт!
Вслед за полем цветами порос небосвод, –
Сад на небе, где радостью стала печаль,
Где мой голос воскресший вживается в даль!

Расцветай, отцветай, сад на небе моём,
Проплывай, аромат, в небесах кораблём,
Знай, любовь, – я с тобой, если небо нас ждёт,
Если вереск в словах и созвучьях цветёт!

НОЧЬ НА ОЗЕРЕ

Небо черно, словно шкурка крота,
Звёзды подобны росинкам на шерстке.
Озеро тихо. Кругом – темнота,
Только в воде звёзд рассыпана горстка.

Слышно, как где-то протяжно и тонко
Песню последнюю спел соловей.
Ветер, как мягкая лапа котёнка,
Нежно касается кожи моей...

Тлеет луна закоптелым огарком,
Веет покоем от стынувших вод...
Грудью малиновки, алой и яркой,
Солнце над озером завтра блеснёт!

ВКУС ЗЕМЛЯНИКИ

(гекзаметр)

Зелень заполнила сад, прихватив даже неба кусочек,
Чаша пространства полна блеском и щебетом птиц.
Ягоды сочно алеют на лучезарной лужайке,
Алость зари в их крови землю насквозь проросла.
Ягоду пробую я, имени сочно лишая,
Чувствую сладостный вкус – спорят во рту жизнь и смерть.
Там, где рождаются слова, ягода плоть потеряет,
Душу иную найдёт, в теле не развоплотясь.
Жизнь – круговерть перемен, путь из утробы в утробу.
Но не ужасен сей путь, а вечно радостен нам.
Всё, что цветёт и растёт, увлажнено слёзной влагой
Тех, кто ушёл, кто с землёй слился и почву живит.
К нам обращают они речь в каждой ягоде новой:
Цвет превратился во вкус, вкус превратился в меня,
Я превращаюсь в стихи, в музыку, в блики рассвета...
Всё это – я, всё – во мне, Слово – в начале всего.
В музыке музыка, в запахе запах, а в цвете оттенок –
Ягода вкусом в сознание сочный рисует пейзаж.
Я говорю о плодах, вкусе и сочности жизни...
Дай же мне, Господи, сил воспеть его – вкус земляники.

* * *

Деревья пахли небом,
А губы – солнцем алым,
А ветер – тёплым хлебом
И счастьем небывалым.

С тобою шел я тихо
По саду молодому,
И пахла земляничкой
Моя тропинка к дому.

Любви ещё не зная,
Не ведая печали,
Я знал, что пахнут раем
Сияющие дали.

...А будущее – кровью,
Невысказанной мукой,
Разлукой и любовью,
Любовью и разлукой...

* * *

А дело – только в малом:
Глаза открыть на миг,
Увидеть небо алым,
Понять, как мир велик,

Как пролегли дороги
На север и на юг,
Как средь земной тревоги
Для сердца важен друг,

И мир доступен взглядам,
И в сердце – красота,
И счастье – где-то рядом,
И истина – проста.

Со знанием небывалым
Пуститься в вечный путь...
А дело – только в малом:
Проснуться – и уснуть.

* * *

Мир держится на хрусте веток,
На шелесте листвы весной,
На детском смехе, летнем свете,
На теплоте тропы лесной.

Мир держится на горьком плаче,
На мёртвом холоде снегов,
На горечи любви незрячей,
На буйстве волн у берегов.

Увы, не может быть иначе:
Растут цветы, а дождь их бьёт,
Смеётся сын, а мама плачет...
А это значит – жизнь идёт.

* * *

Как мало в жизни надо,
Чтоб сердце зазвучало:
Свет любящего взгляда,
Уста алей коралла...

Как в жизни нужно много,
Чтоб сердце пробудилось:
Высокий голос Бога,
Судьбы земная милость.

И хруст ветвей на тропке,
И звук дождя на листьях...
А век такой короткий,
А небо чисто-чисто.

ПОСЛЕДНЕЕ ТЕПЛО

Разноцветна листва над аллеей,
Небосвод бесконечно высок.
Солнце в небе, как персик, алеет,
И течет нежный солнечный сок.

Осень царствует в листьев расцветке,
По-осеннему плачут ручьи,
И державное яблоко с ветки
Упадает в ладони мои.

Скоро счастье, уставшее плакать,
Отразится, как в речке, в судьбе,
И мелькнет чьё-то белое платье
Меж теней на осенней тропе.

И, небес вековой собеседник,
Я забуду всё прежнее зло.
Я пойму: просто Август-наследник
Нам последнее дарит тепло.

Просто солнце на небе устало
И решило в пути отдохнуть.
Просто сердце глядит в небывалый,
Бесконечный, космический путь.

Просто скоро закончится лето,
Просто, видно, земле повезло...
И я выпью небесного света
За последнее в жизни тепло.

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Николаю Кузнецову

На небе русский месяц тает
Над рыжей пустотой полей.
Река молочная мерцает
Меж берегов судьбы моей.

Мерцает смутное сиянье
Над вечной тленностью земной.
Пустые створки мироздания
Разбиты тёмною волной.

Чернеют облака на небе.
Мутны подземные ключи.
Ищи их более, чем хлеба,
И слушай, но – молчи, молчи!

И осень лисьею повадкой
Вползает вновь в твои мечты.
Устав от спеси мутно-сладкой,
Природа ищет – простоты.

В бездонной пропасти мгновенья,
Где журавли кричат, скорбя,
Сильнее чувствуешь старенье.
Острее чувствуешь себя.

И сквозь мутящиеся воды
Ночных небес – звучит вдали
Песнь лебединая природы,
Песнь лебединая Земли.

И небеса все ниже, ниже.
Все злее ветра острие.
И месяца обломок рыжий
Под сердце входит, как копьё...

ОСЕНЬ

"Это – там!"

Э. По

Евгении Кордзахия

Серый безликий день.
Гравий пустых дорог.
– Может, Кому-то лень
Нам подводить итог?

Серость пьяней вина.
Спит в полутьме Бог.
– Может, страшнее сна
Трезвость сухих строк?

За окнами спит Зов,
Капель мятежный Стук.
Плещут на сто ладов
Тысячи жёлтых рук.

Шум в изголовье рош
Сводит меня с ума.
Снова пошёл дождь, –
Скоро придёт тьма.

Пошленький страх *быть*,
Страх проморгать себя
Вновь заставляет плыть
Против течения дня,

Против течения спин,
Против течения лиц...
Один, будь всегда один –
Властителем небылиц!

Плачь, хохочи, молись,
Прячься в парчу, в шёлк!
Старость есть тоже – Жизнь,
Смерть – это тоже Долг.

Старых зубов щёлк.
Старческих губ оскал.
Маятник лет смолк.
В небе блестит провал.

Клонит от жизни в сон,
Но есть одна благодать –
Смелость утратить всё
И в третий день восстать.

В дыме веков – дыми,
В пламени – смей сжигать!
Имя своё сними,
Прежде чем лечь спать,

Вылететь из имён,
Чисел, событий, лет –
В чёрный стоустый сон,
В белый блаженный бред!

СТЕПНОЙ ГИМН

...У моей страны, степной, широкой, –
Узкие, монгольские глаза,
Как плоды, созревшие до срока.
В них, темнея, бродят небеса.

Чёрный небосвод над белой степью
Впитан этим взором навсегда,
И чарует звёзд великолепье,
И горчит иртышская вода.

Да, она, страна моя лихая,
В шубе из степных волшебных трав
Под небесной чернотой без края
У костра сидит, пиалу сжав.

Дух степей, полынный, горький, звонкий,
Настоялся, как в дому, в душе,
И горчит, щекочет ноздри тонко
В кочевых ночах на Иртыше.

Эти степи, дымчатые степи,
Кладезь трав, растений и камней,
Держат душу мне сильнее, чем цепи,
Держат память, словно на ремне.

Сто веков я мог бы здесь скитаться,
Оставляя в безбрежности следы...
Но пришлось со степью мне расстаться
Ради камня, ряби и воды.

В городе, как в каменной пустыне,
Я шепчу себе: «Терпи! Терпи!» –
Сохраняя веточку полыни,
Как частичку вековой степи.

СТАРИННЫЙ НАПЕВ

Когда закат земной растает,
Забудет сердце про покой,
И задрожит, и зарыдает,
Займётся горькою тоской, –

Тогда ты вспомни склад старинный,
Спой песню старую тогда
О том, как тонкая рябина
Стоит, качаясь, у пруда,

И чёрный ворон вьётся, вьётся,
Чертит могучие круги,
Ямщик с друзьями расстаётся
В степи, где не видать ни зги...

И я пойму: в цепи мгновений,
Где только песня – верный щит,
Нет ни побед, ни поражений –
Лишь степь да степь кругом молчит...

И сердце яростней забьётся,
Перестрадав, перегорев,
И жизнь – вся жизнь моя – прольётся
В один напев, в один напев.

* * *

Небо – это черновик,
на котором каждый день
пишутся новые поэмы,
баллады,
эпопеи...
А к вечеру автор
стирает всё написанное.

Небо может позволить себе
вечно быть черновиком.

СЕКС НА ПЛЯЖЕ

ПАДЕЖИ

Ты – имя всех моих надежд.
Я – именительный падеж.

А ты – на новом рубеже –
В родительном живёшь уже.

Бог копит в небе благодать,
Чтоб дательным за всё воздать.

А я – творю, пишу, строчу,
Творительный падеж учу.

Винительный падеж забудь:
Он – лишь для потерявших путь.

Предложный предлагает нам
Взойти по строчкам к небесам

И сотворить там падежи
Для языка любви без лжи:

Искательный, сиятельный,
Растительный, любительный,

Старательный страдательный
И славный наградительный,

Печальный умирательный
И вечный воскресительный!

Язык любви – блистательный
И мироповелительный!

РОМАНС

Не злясь, не измеряя силы,
Упасть в любовь, как в бархат лож...
А из любви, как из России,
Кривой дорогой не уйдёшь.

Ты – чистая, святая, злая,
Своей не знаешь высоты...
А я – ошибка, но такая,
Какой гордиться будешь ты.

Да! На каких-нибудь полночи,
На полсудьбы, на полчаса
Я стану морем, – ты же хочешь
Взметнуться чайкой в небеса?

Я – только черновик твой смутный.
Но нам друг с другом повезло:
Тебе в моих стихах уютно,
А мне во снах твоих тепло.

Перетекает небо синью
Из глаз твоих – в мои глаза...
А из любви, как из России,
Одна дорога – в небеса.

И сердце застучит, встревожась,
И пробежит по коже дрожь:
Пусть из судьбы уйти ты можешь –
Из снов моих ты не уйдёшь!

Я ЛЮБЛЮ ЭТОТ САД

Наивная песенка на старый мотив

Я люблю этот дом,
Я люблю этот сад,
Где под синим дождём
Георгины стоят.

Я люблю этот сад,
Я люблю этот дом,
Где цветеньем объят
Куст под самым окном.

Пусть в мире пролетят
Тыща лет или две –
Я люблю этот сад
У меня в голове.

В нём не гаснет закат
И не вянут цветы.
Я люблю этот сад
Под названием «Ты».

И, когда я уйду
За земной окоём,
В этом дивном саду
Мы с тобою пройдем.

Мы пройдем по судьбе,
Невесомы, чисты, –
Ты во мне, я в тебе,
И в обоих – цветы.

И в цветенье огня
Потону я один,
И пройдет сквозь меня
Тёплый дождь георгин.

ЛЮДИ И МЕСЯЦЫ

Я – человек-октябрь
жёлтый поэтический
долгочитаемый неудобоваримый
революционный
не
пред
ска
зу
е
мый.

Ты – девочка-март
тонкая долговязая прямая
синеневая сероснежная
капельная обнадёживающая
не
о
пи
су
е
ма
я.

И я жду,
когда мы наконец-то сможем жить
в нашем общем Мартобре.

РОМАНС

Мои дворцы, уголья и поля,
Моей души сокровища и клады,
Стихов непобедимые армады,
Войска и замки, вся моя земля, –

Мои леса, чащобы и скиты,
Волшба, туманы, тайны без разгадки,
Звериный вой, тропинки, сумрак сладкий,
Стоцветные оттенки темноты, –

Моя скупая злая нищета,
Тряпье на теле, пыль, и прах, и глина,
С которыми земная плоть едина,
И жизнь, и смерть, и свет, и темнота,–

Все это – ты. И я тебе служу,
Тобой воскрес, в твой рай я восхожу...
Но все слова сгорают, словно прах,
Когда ко мне по лестнице из дома
Через ступень бежишь, судьбой ведома,
И вот – твоя ладонь в моих руках!

* * *

Любовь –
это когда снежинки
на моём плече
рифмуются со снежинками
на твоих волосах.

Всё прочее – литература.

ОНЕГИНСКОЕ

*Я грим снимаю...
Байрон*

Мы будет жить в классическом романе,
В котором ясен издали конец.
Тебе явлюсь я, как своей Татьяне,
Я – денди, хлыщ, поэт, пророк, мертвец.

И снова – дрожь и трепет вдохновенья,
И снова – два несомкнутых письма,
Предчувствия, гаданья, сновиденья,
Неясные, сводящие с ума...

Сны тяжелы, но правда – тяжелее.
В ней – адский пир, дурманящий мой мозг:
Медведь и череп на гусяной шее...
В картину Рафаэля входит Босх.

Я на пиру, среди вселенской ночи,
Сижу, тоскуя о былых годах,
А ты молчишь, мне отвечать не хочешь,
И Ленские кровавые в глазах...

Летят года, тяжёлые, пустые...
Всяк человек есть ложь, упрямый прах...
Во мне молчит, безмолвствует Россия,
И Пушкины кровавые в глазах.

Мне не прийти к тебе, своей Татьяне.
Кому ты отдана – тебе видней.
Мы встретились в классическом романе
И разойдёмся – в прозе наших дней.

СТРАСТИ-МОРДАСТИ

Д.Щ.

1

Пойми, я очень быстро всё усвою.
Есть мало лиц, но множество личин.
И для того, чтоб не дружить с тобою,
Есть у меня три тысячи причин.

Любовь – игра, дурацкая игрушка,
А мы не дети, что ты, нет проблем.
Моя обида, словно погремушка,
Спать не даёт тебе, и мне, и всем.

Но кажутся чужими мне как будто
Мои давно привычные края,
И серое, обыденное утро,
И дом, и дождь, и ты, и даже я.

Иди к себе. Проверь, – открыты двери.
Тебя готов я прошлomu вернуть.
А я? А я... давным-давно потерял.
Тот, кто найдёт, – вернёт... кому-нибудь.

2

Ты прости, что я живу «не в тему», –
У меня своя простая боль:
Мы с тобой – двоичная система:
Единица и наивный ноль.

Наша жизнь разбилась, словно блюдце.
Мы одни в Пути Всея Земли.
Города шипят, кругами вьются,
Уплывают в небо корабли.

Облака натянуты, как нервы,
Небосвод изогнут, словно бровь...
Это не *твоё*, а *чьё-то* небо,
Не *твоя*, а лишь *моя* любовь.

Всё просто, sher ami. Все сливки скисли.
Весна прошла, зови иль не зови...
Лишь дрожью по спине проходят мысли
О той, о неподдельной, о любви.

Наш разговор всё длится, длится, длится,
Хоть между нами целый мир лежит.
В дорожной сумке у меня пылится
Билет в твою непрожитую жизнь.

Ты выбрала неверную дорогу:
Спаслась, сдалась, сбежала от огня.
Иди, иди, иди... поближе к Богу,
Но только дальше, дальше от меня.

Твоя судьба глупа... моя – тем паче.
Я глупо втянут в грязную игру.
Я неприкаян, грязен, я – истрачен,
Я – вышит, как глоток воды в жару.

Но та любовь, что грезилась большою,
Ещё скребётся крысой по углам,
А атавизм, зовущийся душою,
Все планы рушит, рвёт планиду в хлам...

Во мне живёт любви огромный голод.
Когда-нибудь, рыдая, во хмелю,
Срывая напрочь свой осипший голос,
Я крикну в трубку: «Дура, я – люблю!»

...Но жизнь, наверно, больше нас упряма.
Кто не рождён, того не схоронить.
И мы сто раз сыграем ту драму,
И ничего не сможем изменить.

ТЁМНАЯ ВОДА

*Темна вода во облаках.
Псалтирь*

Ещё сжимали руку руки,
Но в небе плакала звезда
И всхлипывала о разлуке
Ночная тёмная вода.

Мы расставались на неделю,
А оказалось – навсегда.
Легла меж нами без предела
Ночная тёмная вода.

Закрылась в будущее дверца.
Мы ждали встречи у пруда
И знать не знали, что под сердцем –
Ночная тёмная вода.

О том, что жгло, пытало даже,
И в сердце не найдёшь следа.
Всё знает, но вовек не скажет
Кровь, словно тёмная вода.

Дни мчатся призрачно и пошло,
Из ниоткуда в никуда...
В грядущем, в настоящем, в прошлом –
Ночная тёмная вода.

* * *

Этот тоненький след на весеннем снегу
Я годами забыть не могу, не могу.
Ты ушла и оставила след, как печать,
На снегу, на душе, что устала звучать.
И твой след в моей жизни остался навек,
И вовек не растает предутренный снег.
Я его в своей памяти уберегу...
Умереть я могу, а забыть – не могу.

* * *

Ты лишила меня всего, любимая:

и той большой осени,
в пространстве которой
ты была цветным зонтиком под серым небом;

и сердца моего, подаренного тебе на память
и на твоей груди
в потайном кармашке
оставшегося;

и сына, что смотрел на меня из глаз твоих,
печалась, что ему не быть зачатым –
не то что рождённым.

Ты лишила меня всего, любимая.

Но долго, долго, долго
по степи памяти моей кочует твоя улыбка...

* * *

Мы расстались... Дома тихо спят,
И дорога шумит недалече...
Люди всё объяснят, всё простят,
Но от этого сердцу не легче...

Над домами плывет сизый дым,
Дым прощальной обманчивой речи...
Это может случиться с любимым,
Но от этого сердцу не легче...

Дождь стекает и капает с крыш
На лицо мне, на шею, на плечи...
Ты простишь меня, знаю, простишь,
Но от этого сердцу не легче...

Эту боль, этот ад, этот стыд –
Хоть когда-нибудь время излечит?!
Бог когда-то нас тоже простит,
Но от этого сердцу не легче.

* * *

Я в этом сам, возможно, виноват.
Лишь я один. Дождь льётся, не смолкая,
Ночной прилив шумит, шумит без края,
И к стенам жмётся дикий виноград.

В каких краях, среди каких дорог
Мы шли с тобою в тот последний вечер,
Что говорил тебе я?... Время лечит,
Но не спасёт от будничных тревог...

Но времени, увы, не крикнешь: «Стоп!»
Воспоминанья в сером небе тонут,
И дождь свои холодные ладони
Кладёт на мой разгорячённый лоб.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ЧУЖОМУ СЫНУ

Лёвцушке Иванову

Лев, царевич, милый мой,
Светик мой малиновый,
Снежно-белую зимой
Жизнь ты начал длинную.

В небе яркой солью звёзд
Над путями-встречами
На десятки славных вёрст
Жизнь твоя размечена.

Много в мире ты свершишь
Чистого, высокого.
Белкой по стволу взбежишь,
В небо взмоешь соколом.

Ты найдёшь свой кладенец,
Плут проверишь пашнюю.
Лев, царевич, удалец,
Солнышко домашнее.

Ты играй, играй, играй,
Мир игрой на два деля.
Твой непокорённый рай
Ждёт завоевателя.

Много будет славных лет.
В их цветастом пении
Ты звучишь, сиренный цвет,
Как стихотворение.

Ты расти свой вертоград,
Многоцветье славное.
Выше всех наград и правд –
Правда детства главная.

Лев твой держит меч и щит,
Свет цветёт на лбу, пока

Над тобой Господь парит
Шестикрылым облаком.

Ты расти, расти, расти,
Ты расти без старости.
Сказки по ветру пусти,
Но – без зла, без ярости.

Свет мой тихий, возрастай
Хоть до неба синего.
Сном витай хоть возле стай
У моста Калинова.

Лев, царевич, светик мой,
Слушай наше пение.
Подрастай, играй и пой
Нам на заглядение.

В небе яркой солью звёзд
Над путями-встречами
На десятки славных вёрст
Жизнь твоя размечена.

* * *

Ребенок учится ходить.
Он идёт, покачиваясь,
похожий на большую птицу
с подрезанными крыльями.

Трудны первые шаги по земле,
пока невидимые крылья
ещё не отпали.

МОЙ НЕСБЫВШИЙСЯ ХРАМ

Зодчим хотел бы я стать, воздвигать над землёю соборы,
Замки, палаты, дворцы, в камне полёт пробуждать,
Небо спуская на землю, землю подъявля до неба,
Слышать, как в камне полёт сотнею крыльев шумит.
Вот он стоит, мой колосс, белый покой рачочая, –
Чудо ожившей земли, белый букет к небесам.
Каждая луковка стянута строгим бутонем,
Ждёт, когда чудо-цветку придёт распуститься пора.
Купола круглый зрачок отдохновенья не даст мне:
Ясности солнечный мёд льётся к нам сквозь витражи,
Божий зрачок озарил высшую точку пространства,
Небо раскрыло уста, камень стал плотью и словом –
Время семи дней Творенья в узел один собралось.
Острые арки вздыхают, тёмный свой зев отворяя,
Сомкнуты двери, как губы, долгую думу тая.
...Дай мне, небесная твердь, тоски о несбывшемся храме,
Сердце моё обостри, нервы сияньем зажги.
Вижу – мой храм возлежит, словно лев, вольно выпянув тело,
Белый лучистый покой вокруг расширяется мерно,
Башня стоит, словно львёнок, рядом, едва улыбаясь...
Дай мне, небесная твердь, лъвиной повадки и мощи,
Чтобы я смог разбудить в камне уснувший полёт.

ЛЮБОВЬ

Так иногда я сонною рукой
Подушку глажу, – ты как будто рядом...
Но вижу пустоту, простор, покой,
Чуть пробудившись, оскорблённым взглядом.
Сжимаю зубы, горечь проглотив,
И в сон срываюсь, как в крутой обрыв.

Столетний сон Обломова глубок.
Он трижды триста лет ещё продлится.
Но если есть ещё какой-то Бог,
То ты паришь у глаз его, как птица,
Звенишь над нами, спящих хороня
Для лжи и правды завтрашнего дня.

...И всё не впрок. Ни слова, ни звонка.
Мы снова врозь. Разлука лжи не слаще.
Но помнит теплоту руки рука,
И мысли – всё навязчивей, всё чаще:
Ты где? Ты с кем? Грешна? Пьяна? Одна?
И нем ответ. И немота хмельна.

Верчусь, как белка. Вечный бег и бой...
В обед, шутя с коллегой, за фаст-фудом,
Давлюсь, припомнив ужин – наш с тобой,
И в горле комом – невозвратность чуда...
Увы! Горька и прозрачна страна,
Где ты из снов моих сотворена.

Язычницею нежной ты была,
Я – патриархом собственного Рима.
Ты сквозь меня, прозрачного, прошла,
Из ниоткуда в никуда, незримо,
Мне подарив не блик, не цвет, не звук –
Лишь горсть тепла из перелётных рук.

Мой внутренний театр сейчас молчит.
Актёр стоит, разжать не в силах губы.
В оркестре увертюра не звучит,
Зал ждёт игры – доверчиво и глупо...

Я – словно пьеса, где есть только ты
И горечь от наставшей немоты.

Боюсь уснуть и встретиться с тобой.
Мне стыдно быть собой – таким, нелепым.
За ночью ночь убью пустой гульбой,
Чтоб не сойти в тот сон, подобье склепа,
Где ты смеёшься, слёз не утая, –
Хорошая, родная, не моя.

Но серебрист зеркальный водоём
И чёрно-белы башни, крыши, стены
В том городе приснившемся моём,
Где руки мы сплели, как до измены,
Где в вечности мы шествуем – вдвоём,
Вперёд и вверх, за белый окоём.

И я проснусь, и встану у окна,
И в нём найду подобие квартиры,
Где некогда в ночи Он и Она,
Друг в друге потеряв ориентиры,
Блуждали, скрылись, канули во мглу...
И лоб скользит по гладкому стеклу.

Но да приидет царствие твоё –
В моих тетрадах, книгах, сновиденьях!
Любовь – как небо, что всегда ничьё,
Но я всё злее рвусь в ничьи владенья,
Пока не отрубает мне крыла
Внезапный треск разбитого стекла.

«Атлант, растворяющийся в небе»

ВСТРЕЧА ВО СНЕ

Дорожка меж домами
Травю заросла,
А в небесах над нами
Звезда — ярка, светла.

Закончилась тропинка,
И в доме свет зажжён,
И на губах росинкой
Дрожит вчерашний сон.

Дождь пахнет земляникой.
Смерть пахнет бытиём.
И я стерплю без крика
Весть: нам не быть вдвоём.

Ты — кто? Мечта, виденье,
Движение ветерка,
И легче лёгкой тени
Была твоя рука,

И легче лёгкой тени
Была любовь твоя...
Но я гляжу в смятенье
На царство бытия:

Живые так не ходят,
Не любят, не поют...
Наперекор природе
С тобой сошлись мы тут.

И мне дано до срока
Любить бесплотный дух...
Но за мостом далеким
Кричит, кричит петух,

И над землёй, тоскуя
О счастье прошлых лет,
Прощальным поцелуем
Кровоточит рассвет... -

НЕЧАЯННАЯ ВСТРЕЧА

Вновь мы идём на закате вдоль призрачной речки.
Небо нас вкрадчиво, не замечая, вдыхает,
А облака над рекою молчат так темно и бессвязно.
(Это молчанье – про нас).

Ветра бесплотное рукопожатие я ощущаю.
Небо в лицо своё я принимаю серьёзно.
Всё, что грядёт, – в этом ветре, идущем из сердца:
Сила и гибель моя.

Я говорю над могилой своей, de profundis.
Здесь привечают меня паруса с небосвода
И Абсолютная Пристань из Абсолютного камня
На Абсолютной воде.

Долгий мой путь мимо пристани, камня и леса
Я разделяю с тобой, боль моя и подруга.
Вместе идём мы к истокам реки, прямо в небо,
Где всё начало берёт.

Вниз опускаешь ты кротко зелёные очи,
Рыжие волосы всходят в сиянье заката.
Вместе в разлуке, мы наедине со всем миром
Дней наших стадо пасём.

Мы – только дети, весенние люди Творенья,
В нас завершается свет, что горел на Фаворе,
И протекает Господь – наша сладость и горечь –
В травах, стволах и цветах.

Слепок словесный с небес подо мною простёрся.
Тот, Кто был небом до нас, научил нас терпенью.
Мы же любви научиться должны, и над нами –
Божьей ладони ландшафт.

Что? Ты молчишь? Пересёк я чужое молчанье.
Спутница нежная, дай мне ладонь, дай мне слово:
Будешь со мной ты, пока плачет кровью и болью
Рана на небе – Ничто.

Бог нас посеял во тьму, но взошли мы из бездны.
Временем звать Вавилон, город крепкий, погибший.
Наша Империя в нас процветает незримо –
Текущее царство лучей.

Выпав из чисел, имён и годов, мы воскресли.
Травы живые сквозь руки мои прорастают.
Лето Господне, рассеянное в пространстве,
Блуждает по нашим сердцам.

Три измерения времени в веер сложились.
Граду истлевших времён, Вавилону мгновений,
Мы возразим, воздвигая наш внутренний город,
Внутренний Ерусалим.

Сто одиночеств моих истоцились, завяли.
Бог, раздробившись в пространстве, меж листьев лучится.
Алым и белым сияньем на сини над нами
Третий восходит Завет.

...Вдаль мы идём на закате вдоль призрачной речки.
Лодки плывут по реке, зеленеют деревья,
В домиках на берегу зажигаются окна...
Это сиянье – для нас.

СЕКС НА ПЛЯЖЕ

Философский диптих

1

Бог вечереет. Алый небосклон
Цветистее переводной картинки.
Закат изогнут над рекой времен.
И камни у дороги греют спинки.

Сухой огонь песка не жжёт ступней.
Коснулся ветер губ твоих – и замер.
А губы пахнут солнцем и слезами...
Касаюсь их – всё горше, всё нежней...

Покрыта рябью сонная вода.
Рябь небосвода – радостней и зыбче...
Вдвойне прекрасен, грозен и улыбчив
Мир накануне Страшного Суда.

Пустынен пляж. И облако, как флаг,
Дрожит над миром, предвещая грозы.
И мир жесток, и мир прекрасен – так,
Что вместо глаз – одни сухие слёзы.

Глаза закрою. Спрячу свет звезды
Под чутким веком, веря и надеясь...
И я сгорю в костре, который – ты,
И только там я, может быть, согреюсь.

2

Вода, песок и небо над землёй.
Я ухожу из быта в мирозданье.
Руками ветра над большой рекой
Бог лепит из деревьев изваянья.

Когда в душе – расплавленный закат,
Зови тоску как хочешь, хоть – любовью.

Я лью из уст признаний тонкий яд...
Дрожат твои изломанные брови...

Пять лепестков скупой руки моей
В траве твоих волос скользят неслышно...
Поэт, пророк, паяц, прелюбодей,
Я мчусь к концу. А время – неподвижно.

Лечу глазами вслед за стаей птиц,
Теряющихся в космосе победно.
Закат стекает каплями с ресниц,
И небосвод звучит – призывно, медно...

Он, чувствуя, как мир наш одинок,
Звучит в тиши небесною трубою
И пустоту, которой имя – Бог,
Заполнить хочет – может быть, собою.

ВОСТОЧНЫЙ ПОЭТ

Порой бывает – разум слышит ноты,
Каких не слышит ухо никогда,
И сердце, словно птенчик желторотый,
Готово вывалиться из гнезда...

Истома... Тяжесть... Счастье близко, близко...
Грядёт жених в ночи в чертог жены...
И рифма ждёт, как будто одалиска
В роскошном полумраке тишины...

ОРДА

Пленница, славянка с гордой кровью,
Где ты, за какой глухой стеной?
Были мы разлучены – любовью,
Были мы повенчаны – войной.

Я твой город княжеский взял с боем
И тебя, – твой враг, а ныне – друг, –
Жёлтую татарскую рукою
Вырвал из холёных князьких рук.

Я тебе дарил степей раздолье,
Кобылиц татарских табуны;
Древнею ордынской твёрдой волей
Обещал престол моей страны.

Только кровь, звенящая, лихая,
Для которой каждый шаг – война, –
Это пропасть без конца, без края,
Это нерушимая стена.

Ты сбежала... И в лесах да чащах,
Средь осенней золотой листвы,
Средь стволов высоких да звенящих
От степной ты скрылась татарвы.

Я твоими прохожу тропами
И, встречая брачную зарю,
Узкими татарскими глазами
На огромный, светлый мир смотрю.

Вспоминаю небо, степь без края,
Золото трепещущей травы –
И стрелу, как птицу, отпускаю
С чуткой и звенящей тетивы.

Ворожу, молюсь степному богу:
Пусть, заморожённая, она
Мне к тебе укажет степь-дорогу –
Иль убьёт, коль ты мне не верна!

НА ПОЛЕ КУЛИКОВОМ

...Знаешь, мне не страшно перед битвой,
В этой тёмной и глухой степи...
Умягчи мой дух своей молитвой,
Кротким словом сердце укрепи.

Впереди – встаёт туман без края.
Впереди – Смородина-река.
Позади – земля, земля родная,
Сумрачна, пустынна, велика...

И ползут бессонной ночью думы...
И шумят, шумят вдали поля...
Слышишь из земли глухие шумы?
Это плачет русская земля.

Птичий крик вдали – остёр, протяжен.
Ветер, ветер, степь, ковыль да прах...
Так и мы – в землю нашу сляжем,
Чтобы Русь стояла – на костях.

И, отвоевав свой век короткий,
Буду я лежать в земле сырой,
Чтобы ты в своих молитвах кротких
Вспоминала обо мне порой.

И, увидев алый всполох в небе,
Ты поймёшь, что Бог меня простит.
Обо мне в тумане вскрикнет лебедь,
Обо мне ковыль прошелестит...

Остановите время, я сойду
На Любинском проспекте, где деревья
Шумят листвою, которой нет в аду,

И ангелы в прозрачном оперенье
Летают над гранитной мостовой,
И так легки их плавные движенья.

Я здесь пройдуся, неспешно, как живой,
Поправлю форму у городского...
Пусть столп огня встаёт над головой!

Пусть Азраил грозит мечом сурово!
Ведь и в раю жить тошно одному.
Мой космос пуст. Веками бестолково

Меж звёздами носился я в дыму...
Я так устал от межпланетных рейсов.
Гранит прозрачен, бьют часы в дому,

А ты всё ждёшь, надеешься... Надейся!
Ты с книгой ждёшь меня две сотни лет,
Ты – беглый ангел, гость в моём семействе,

И кристаллический, подробный свет
Лежит на бронзе рук и плеч покатых,
И смерти нет, и расставанья нет.

Я прилечу к тебе с лучом заката,
Я – атом света, я – поток огня,
Я – зной, томивший нашу степь когда-то.

Как ты живёшь, став бронзой, без меня?
В сём мире, где людей давно уж нету, –
Лишь памятники, – я б не смог и дня

Прожить. А ты живёшь... Пылает лето,
Дрожит закат над бронзовым плечом,
И я лечу к тебе потоком света,

И я впиваюсь солнечным лучом
Твои сухие бронзовые губы.
Всё очень просто. Смерть здесь ни при чём.

Прости меня. Я так скучаю, Люба.

К ЭЛИЗЕ

Мой клавесин молчит. Истлели ноты.
Ушли в былое бедность и заботы.
Друг Мефистофель, не смущайся, что ты, –
С тобою мне уже не пировать.
Я отслужил по ведомству мелодий.
Я написал две дюжины элегий.
Я был предметом шуток и пародий.
Я был... я был... но мне уж не бывать.

Прошло почти два века, как я умер.
Вы слышите меня в вечернем шуме.
Я снисхожу до вас порою в думе
О той земле, где вам лежать потом
Со мною рядом... все могилы – рядом.
Сквозь вас порой я вижу тусклым взглядом
Скелеты, что немного пахнут адом,
Эдемским садом и земным трудом.

Прошло два века. Сгинул Бонапарте.
Саксонии давно уж нет на карте.
Построил Фауст Бухенвальд – в азарте
Ему, увы, не отказать вовек.
Кровь пахнет почвой. Почва пахнет кровью.
Иные дни манят иною новью.
Я крепко сплю. Слетает к изголовью,
Чтоб не растаять, двухсотлетний снег.

Но всё-таки Божественная Нота,
Та самая единственная Нота,
Которую услышал отчего-то
Ты, мой ассизский друг, мой брат Франциск, –
Она, звуча по-новому гуманно,
Порой печально, а порою странно,
Просыпалась мне, словно соль, на рану,
И превратилась в комариный писк.

Ты, комариный князь, ты, шут летейский,
Мне подсказал мотив по-компанейски.

Пусть был я глух – но сквозь туман житейский
Глухие уши видели его.
Ушами видеть музыку – чего там!
Читал я даже запахи – по нотам.
Я в каждой ноте видел мир и атом,
В ничтожном – всё, в безмерном – ничего.

Склонившись над мелодией в поклоне,
Услышав, сколько силы в каждом тоне,
Я чувствую, что сам – давно в загоне.
Я – ниже ватерлиний бытия.
Моя Элиза, ангел мой, gut morgen,
К тебе любовью был я прежде ранен.
Скажи, Элиза, где я похоронен,
Где жизнь моя, где плоть и кровь моя?

Я в музыке был заперт, как в вольере,
А ты живёшь в ней вольно, как в квартире.
Пусть каждому дано по высшей мере –
Тебе – напев, а мне – предсмертный стон, –
Не изменить ход этой драмы странной.
Век не проникнет в рокот фортепьянный.
На звучный пир в Элизиум туманный
К тебе, Элиза, улетел вагон.

Элизиум теней... Моя Элиза...
Пусть Млечный путь течёт под раем, снизу,
И за него ты не получишь визу,
Как ни клялась бы ты в моей любви, –
Пусть у творца и музы две орбиты,
Которые судьбой в одну не слиты,
Но, увидав вдали мою комету,
Её ты невзначай благослови.

ГОЛОС ДЖЕННИ

*А Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.*

Пушкин

Эти пашни, эти нивы,
Эти яблок спелый груз,
Эти ветки старой ивы,
Помнящие наш союз;
Школа, церковь и кладбище,
Лес, и поле, и село –
Без меня тебе всё нище,
Всё со мной навек ушло.

Шествую сквозь время слепо,
Не на ощупь, а на звук,
Молча я упала в небо,
Выпав из своих же рук.
И, отломлена от жизни,
От приливов дней и лет,
В новой облачной отчизне
Вся я стала – боль и свет.

Тело Дженни, голос Дженни –
Всё истлело, всё ушло.
Ты – костёр, а я – сожженье,
Пепла чистого тепло.
Звёзд рассеянное тело –
Вне разлук и вне смертей;
В нём не знаю я предела,
В нём – итог судьбы моей.

Ветер жестом отрицанья
Сквозь меня к тебе летит.
Знай, что нету расставанья,
Не копи пустых обид!
В кровотоке, как в пустыне,
Место мне приуготовь;
Я внутри тебя отныне,
Ты внутри меня отныне,
Мой Эдмонд, моя любовь!

Я вокруг тебя, как воздух,
Я, как вдох, в тебя вхожу.
Я в веснушках, словно в звёздах,
По щекам твоим скольжу.
Я играю в игры рая,
Как ты их не назови,
И внутри меня играет
Маленький театр любви.

Да! Во мне играют боги
Пьесу о любви и сне.
Их бумажные чертоги
Выросли в тебе, во мне.
Боги плачут и смеются,
Мы глядим на них извне –
Слёзы и улыбки льются
По небесной крутизне.

Полна тайны чаша ночи;
Темноты встаёт прибой;
Время, как часы, лопочет,
Говорит само с собой;
Полночь бьёт, клубятся тени,
Здесь дано нам вместе быть,
Осторожно

по

сту

пе

ням

в Небывалость восходить...

Я вокруг тебя, как воздух,
Я, как вдох, в тебя вхожу.
Я в веснушках, словно в звёздах,
По щекам твоим скольжу.
В кровотоке, как в пустыне,
Место мне приуготовь;
Я внутри тебя отныне,
Ты внутри меня отныне,
Мой Эдмонд, моя любовь!

От первого «люблю» – к последнему «прости»
Лежат мои пути, лежат твои пути.

От нежности юнца – до грусти старика
Любовь всегда одна, одна – во все века.

Одна печаль и боль в былом и впереди –
От дрожи юных губ до срыва мышц в груди.

Всем побывать успел я на большой земле:
Был пеплом и огнём, был искрами в золе.

И я боюсь, когда невинная ладонь
Под пеплом ворошит неумерший огонь.

Не обожгись, не рвись, не плачь, я не хочу,
Здесь всё моё, моё, я всё здесь оплачу.

Я цену знал всему, за всё платил сполна.
...Но ты, но ты – не знай, как кровь моя хмельна.

И всё равно, кто прав, и всё равно, кто – прах,
Когда любовь, дрожа, дробится на губах,

И в трещинах на них записаны слова
О боли, о тоске, которой страсть жива.

Их крепость – для тебя. Их вкус – моя печаль.
И мне перегоревших чувств, поверь, не жаль.

Я не боюсь, когда вдруг начинает крик
В младенце – юноша, а в юноше – старик.

Под солнцем всем даны неспешные пути:
Любить, гореть – и тлеть, пасть в землю – и цвести.

И я неспешный ход времён не тороплю
От первого «прости» – к последнему «люблю».

ИБО ПРАХ ЕСМЬ

Я – просто пыль, хотя зовусь Андреем.
Я помню всех, кто проходил по мне.
Я помню, как был поднят суховеем,

Когда горел весь небосвод в огне,
И был весь берег пляжа в отпечатках
Твоих жестоких маленьких ступней.

Ты шла по мне, и было мне так сладко –
Я был твоей растоптан красотой.
И я с тех пор мечтаю – кротко, кратко –

Лишь о тебе, единственной, о той,
Чьи ноги нежно пачкал я когда-то
И целовал их, прячась под пятой!

Летят часы... Горит в лучах заката
Огромный небосклон, и шар земной,
Тяжёлый, покорился виновато

Любви, что правит Господом и мной,
Любви, что движет звёздами и пылью,
Что превосходит море глубиной.

Пусть я лишь прах – но мне дано всесилье!
Я поднимаюсь, как прибой земли,
Встают из облаков песчаных крылья,

Летят песчинки, словно корабли,
И мне земли и даже неба мало...
Но я хочу, чтоб я лежал в пыли,

Чтоб ты меня жестоко растоптала.
Я счастлив быть под каблуком твоим!
Я – всё, и я – ничто; конец, начало –

Во мне, во мне... Но эта слава – дым!
Мне тяжело от этой мёртвой славы,
И я твоей насмешкою целим.

Когда шумит прилив листвы кровавый,
Когда пляж тих и берега пусты,
Когда пророчит бурю клён стоглавый,

Я наряжаюсь в травы и цветы,
Я, глина, я, Адамова попытка,
Я – пыль от пыли вечной красоты!

Быть говорящей глиной – это пытка!
Ты попираешь шепчущий песок,
Как виноград, и чувства от избытка

Текут через края, как алый сок...
Он сладок, сок растоптанной гордыни!
Мой облик низок, а удел высок –

Настанет час, к тебе ревниво хлынет
Прилив земли и в пыль одну сольёт
Со мной... Ты прах – и в прах уйдёшь отныне!

Но в каждой клетке тела свет зажжёт
И в каждой капле крови след оставит
Зияние покинутых высот,

Которое тебя во мне прославит
И даст понять тебе, наивной, вновь,
Что нас покой посмертный не забавит,

Что даже пыли ведома любовь!

ГОРОД СОН

ДЕРЖАВИНУ. ЖИЗНЬ ОМСКАЯ

Я жил на Омке, – не на Званке, –
Когда из тьмы веков ко мне
Явилась Муза – голодранка
И замаячила в окне.
Она зашла ко мне погреться,
Залезла в душу и в карман,
И объяснила суть прогресса,
И водки налила в стакан.

Вы, Машка, Хлоя и Фелица,
Меня не смейте ревновать!
Для шуток с этою девицей
Нужна тетрадь, а не кровать.
Я с вами цацкаться не стану,
Ведь на земле известно всем:
Поэтам русским по Корану
Иметь дозволено гарем.
Мне всё дозволено и свято,
Святое место часто смято.
Жись без греха – что без стиха:
Мелка, соплива и тиха.
Так наплюём на наше горе
И запируем на просторе!

Глагол времён... Всё это басни.
Есть вещи слаще и прекрасней:
Вот на столе лежит арбуз
И выставил зелёный ус.
Вот разлеглась, ещё невинна,
Изнеженная осетрина.
Блины с икрой, как генералы,
Лежат горою после бала,
И разлитой по кружкам квас,
Являя нрав, шипит на нас...

Согласно истине столетней,
Литература – дочка сплетни.
И я с утра до самой ночи
В окно на двор уставлю очи,
Чтоб подсмотреть там стайку тем
Для од, элегий и поэм.

Какой народец населяет
Те животрепетны края,
Где в Ипшокрену претекает
Моя иртышская струя!
Какие здесь мосты, дороги,
Какие старые чертоги,
И каждому здесь старику
Власть оставляет по пеньку.
Какая пыль! Какие были!
Какие дивы нас любили!
Какие стервы нас бросали!
Какие звёзды нам сияли!
В каких болотах мы тонули –
И вот теперь сидим вот здесь,
На Омке, в крепости, в июле,
И будоражим лестью спесь.
А Муза, девка крепостная,
Роман нам крутит, превирая
Сухую правду в сладку ложь,
И хренушки её поймёшь.

Российских од архиерей,
Приди ко мне и помудрей.
Тебе я расскажу о мире,
Бряцая на журнальной лире.
Журнал твой разум озадачит:
Какая в мире канитель!
А что там Вашингтон чудачит?
Пошто артачится Брюссель?
Варшава лезет вон из кожи,
Чтоб сажей нам замазать рожи,
И где-то бродит гад Игил –
Ошеломительный дебил.

А что у нас? Покой, затишье,
Песок да тополиный пух.
Ворует вор. Писатель – пишет.
Реклама – тешит взор и слух.
Гад – гадит. Машет пикой витязь.
На всяк вопрос – один ответ:
Вы молодцы. Вы здесь держитесь.
Страна в порядке. Денег нет.

Восстань, воззри, пиит свободный,
На синь народныя волны!
Пойми язык простонародный,
Доверь ему бессмертны сны!
Постигни правду нашей веры,
Пойми всю суть заподлицо,
В лицо Истории-мегеры
Влепи российское словцо!

Я всё ж чего-нибудь да стою,
Недаром пел, недаром жил.
И да залягу я рудою
Меж каменных Господних жил!
Окаменеет близь и дальность,
Разбьется звездная хрустальность
В тот страшный час, последний час,
Что уравниет с прахом нас,
Но и в кремнёвой вспышке света,
Что в судный день издаст планета,
Мелькнёт часть моего огня –
И Бог вспомнит про меня...
Я – царь, я – раб, я – червь, я – бог,
Я – всё, что вспомнить нынче смог...

Прости меня, мой собеседник:
Чуждачеств пушкинских наследник,
Я разбираться не привык
В том, что вещает мой язык...
Слова резвятся, как амурь,
Пред ликом девственной природы,
Трезвы, ясны, вполне в уме,
А я уже ни бе, ни ме.

Но, и не смысла ни бельмеса,
Я всех зову на путь прогресса,
И пусть трепещет тот прогресс,
Что нас не взденет до небес!
Держава российская богата,
Трепещет в небе грозный флаг,
И всё не так у нас, ребята,
И слава Богу, что не так!

ГОРОД

***Омску – отцу, другу и брату
в канун трехсотого дня рождения
в полную собственность
предназначается***

Город смутный, город Достоевский,
Плеть Петра да посвист Ермака...
Брат, наследник, сын Столицы Невской,
Ты не изменился за века.

Здесь лежит Великий путь – к востоку.
Здесь лишь ясно, как земля кругла.
Здесь земные отбывали сроки
Те, кого Москва не приняла:

Казаки, острожники, поэты –
Вечные изгнанники страны...
Здесь столица возвышалась летом,
Осенью – пылал пожар войны.

Власть меняла лики и названья,
Только суть во все века одна –
Холод, вьюги, каторжные бани,
Плеть, шипы, острожная стена.

Крепость. Пушки. Мрак – сильней сияний.
Старая церквушка. Вечный Бог.
И над белизной старинных зданий
Небосвод, как обморок, глубок.

Ни войны, ни мира, ни покоя...
Тёмные дома. Глаза огней.
Вьётся снег над чёрною рекою,
Вьётся дым над родиной моей.

А в минуты ясности короткой
Вижу я, как сквозь глубокий сон:
Спорят в небе Змий и Агнец кроткий,
Спорят в небе Лев и Скорпион.

На пути Сибирском, как на нерве,
Город обречён веками жить...
Здесь Ермак ещё раз тонет – в небе:
Небосвод в доспехах не проплыть.

А когда в степных просторах дальних
Гром грохочет, всех смертей грозней –
То бросок костей, костей игральных,
Ставка же – судьба земли моей!

Для игры священной опустели
Шахматные клетки площадей,
Клетки, на которые летели
Головы проигранных людей...

...Много есть дорог на белом свете,
Много предстоит мне повидать,
Много городов развеет ветер,
Так, что и следов не отыскать,

Но о том, что видел в колыбели,
Вечно помню – с болью и трудом:
Достоевский. Белые метели.
Чёрная река и Мёртвый дом.

СИБИРСКАЯ СУДЬБА

Мне велено тебя, моя судьба,
Встречать у пограничного столпа

Меж скифскими степями и тайгой,
Меж золотой пустыней и пургой,

В лукавых, луком согнутых краях,
Что Лукоморьем прозваны в веках,

Где в солнечном сплетении страны
Восток и Запад переплетены.

Звени, звено Сибирского пути!
До Океана вместе нам идти –

От петербургской царственной волны
К теням китайской вековой стены,

Туда, туда, где вечный Океан
Нам мерой жизни и волненья дан,

Туда, где будет прервана судьба
Серебряным сверканием серпа...

САМОУБИЙЦА

Восьмой этаж. Встаёт рассвет.
Страх высоты уже не страшен.
Один прыжок – и жизни нет,
И нет любви, и мир не важен.

Как долго этим утром ты,
Вставая, в зеркало смотрела
И наведением красоты
Прощалась с близким к смерти телом.

Никто не крикнет вслед: «Держи!»
И не подскажут очевидцы,
Что слишком ты любила жизнь,
Чтоб на бессмертье согласиться.

Но что же осознала ты
Пред тем, как броситься в оконце,
Когда смотрела с высоты
Туда, где смерть, полёт... и Солнце?

БОМЖ

Дыша невыносимым перегаром,
Он на помойке роется в поту,
Чтоб отыскать среди битой стеклотары
Разбитую прекрасную мечту.

Казалось, жизнь ещё не начиналась,
И много было в сердце свежих сил...
Но, потеряв к себе и к людям жалость,
Он сердце, как котёнка, утопил.

Как лампочка, душа перегорела—
Таков был чувств безудержных накал!
И раскрошилась мысль кусками мела—
Он ими в детстве небо рисовал.

Пропахли мысли городской гарью...
Обычный бомж, обиженный судьбой,
«Имеет право» быть «дрожащей тварью»,
Но не имеет права быть собой.

А жизнь проходит глухо, безрассудно,
И для него в земном теченье дней
Быть и не быть одновременно – трудно...
Но выбрать «быть» – во много раз трудней.

ОКРАИНА

Улицы заплёванного рая,
Как язык ваш звучен, груб и прост –
Тарская, Сенная и Тверская,
Порт-Артур, Амур и Волчий Хвост.

Сколько ни броди в промзоне ночью,
Перепутав блажь и благодать, –
Северных, Восточных и Рабочих
Разумом не счесть и не понять.

Жутки шутки старой проститутки.
Пьяно пляшет старенький трамвай.
Пассажир, приклеенный к маршрутке,
Едет в вечной пробке в вечный рай.

Вечно пьяный и до жути юный,
Выше всех больших и малых правд,
В гомоне трамвайных Гамаюнов
Алконостом свищет алконавт...

Старый мир, ища дорогу в «завтра»,
Породил артистов-вышибал,
Звёзд анатомических театров, –
Вильям наш Шекспир таких не знал.

Незнакомое, младое племя!
Муж-амбал со стервочкой тугой,
Что, пиная, подгоняет время
Обалденно стройною ногой.

Наизусть заучена свобода.
Их судьбу ведёт автопилот.
Но давно уже гудят без мёда
Шестигранники бетонных сот...

Боже! Сколько их? Куда их гонят?
Что их вид хитрющий говорит?
...То, что даже в проруби не тонет,
Очень замечательно горит!

Жизнь вершит свой бесподобный морок,
Экономии закон лихой:
Головы хватает лет на сорок,
Рук и ног – на пятьдесят с лихвой.

Пусть судьба разъята и распята –
Воскресать не модно в сей глуши.
Сказка завершается, ребята.
Всё... Спокойной ночи, малыши!

«Руконожка»

В скучном доме, в скучном дыме
Люди скучные сидят.
Что промчалось между ними:
Неурядица, разлад?

Скучно курят папиросы.
Скучно плачут: ох да ах.
Скучно высыхают слёзы
На скучающих щеках.

На посудные осколки
Скучно плятятся цветы.
Скучно смотрит с книжной полки
Гений скучной красоты.

Скучно за окошком ветки
Бьются в скучное окно.
Скучно тянут две соседки
Скучным-скучное вино.

И заламывают руки...
И поют, напившись в дым...
И смешно средь этой скуки
Быть не скучным, а смешным.

И смешно скучать без цели,
И смешно рыдать всерьёз...
Жизнь – смешная вещь на деле,
Аж до колик, аж до слёз.

* * *

Птичка Божия узнала
Тяжесть рабского труда.
Отгуляла, отлетала
Заповедные года.

Птичка в клетке по контракту
Пять концертов в день даёт.
Для желудочного тракта
В день по зёрнышку клюёт.

Птичка правду-матку кроет,
Вкалывает, не шутя.
То, как зверь, она завоет,
То заплачет, как дитя...

Нам даётся лишь с трудами
Хлеб и кров над головой...
И звучит под небесами
Птички Божьей
волчий
вой.

* * *

Мой сосед сверху похож на Нигде и Никак,
соседка снизу – вылитое Всегда,
её сын — очевидное Почему-то...

Так и живу я
в мире предлогов, местоимений и междометий,
не находя среди них
ничего существительного!

НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ БЕРЁЗЫ

Где небо читает страницы мороза,
Где домик ветвями ветров оцеплён,
Саврасово выгнулась птица-берёза,
Мотает кудрями есенистый клён.

Кривая берёза, держащая цепко
Ветвями ветров небосвод голубой,
Змейй изогнулась над куполом церкви,
Полёты грачей изогнулись змейй.

И сквозь заменившие зрение слёзы
Мне явственно – до откровенья – видна
Изогнутость песни, судьбы и берёзы,
Грачиных полётов и изб кривизна.

Так небо нас, грешных, пытает в любви,
Так время пытается нас научить,
Как лекарь, достичь откровения крови,
Есенистым клёном на крыльях парить,

Качать кислород для планеты сквозь тело
И видеть, дыша чистым ямбом дождя,
Как небо курчавится пламенем белым,
Легко сквозь прозрачность берёзы пройдя!

И светится, реет, мерцает над нами
Сквозь все переплеты страниц и чудес
Берёз заколдованных белое пламя
И чистое синее пламя небес...

Пусть ныне, вращаясь над временем слепо,
Надет на древесную ось небосвод, –
Но время наступит, когда даже небо
Берёзу и куст по-иному прочтёт!

Я – ТОПОЛЬ

С начальных дней, с дней молодой земли,
На тополя не мог я наглядеться.
Я ясно помню, как они росли
За окнами внимательного детства.

Хотя я был ещё и глуп, и мал,
Но мне они кивали, отвечали.
Я постигал их... я их понимал,
Я чувствовал их боли и печали.

Быть тополем. Большим, простым, прямым.
Стоять в строю. Быть к буре наготове.
Творить июнь, прозрачный, словно дым,
Из белоснежной тополиной крови...

Как эта доля мне была близка...
От тополей – и нрав мой терпеливый,
Высокий рост, и нервная рука,
И голос, низкий, твёрдый и правдивый.

Они – друзья, они – учителя...
Пусть тополится лето и пылится,
Пусть тополино зыблется земля,
Пусть в белом море пуха пляшет птица.

Высокий рост, и грубая кора,
И белый нимб взлетает летним снегом...
Да, мне двойная нравится игра:
Быть тополем... и всё же – человеком.

СЛЁЗЫ СТАРОГО ДОМА

Я понимаю тебя, старый дом,
Дом деревянный, глухой, сырой.
Ты рос из земли, как цветок, как гриб, –
Рука строителя не касалась тебя.

Как ты нахохлился в наши дни!
Возле тебя высотки стоят,
Большие, многоярусные дома,
А ты – одинок на родной земле!

Тускло светятся твои глаза,
Брови нахмурились хитрой резьбой,
Губы твои издают лишь скрип,
Сгорблены старостью плечи твои.

А когда ты спишь – темны твои сны,
Темны, холодны, как в колодце вода.
Нет в них ни смеха, ни детских игр,
Однообразен их серый строй.

Жалко мне, жалко тебя, старый дом!
Много ты видел и много знал,
В деревянных ладонях твоих давно
Лежали отцы наши и дядья.

Я – темень от темени дней твоих.
Я – холод от холода зим твоих.
Я – сын и наследник твоих богатств,
Горького опыта прошлых лет.

Когда ты скрипишь, я готов стонать,
Но стон замирает у самых губ,
Ведь ты нас учил, умирая, молчать
И с гордым смиреньем встречать уход!

А небо спускается в окна твои,
Смолой оседает в брёвнах твоих,
И шепчет, и плачет, и любит тебя,
И вместе с тобою пойдёт на слом.

ОДА ОМСКОМУ МЕТРО

Мне кажется, что в Омске есть метро.
Нам не дано войти в него до срока.
Внизу, в подполье мира – не мертво,
Не пусто, не темно, не одиноко.

Подземный город, скрытый от живых,
Изрезанный дорогами большими, –
Вот настоящий Омск, сокрывший лик.
Нам от него осталось только имя...

В нём живы наши деды и отцы,
Не оклеветаны, не виноваты, –
Застреленные мафией дельцы,
Священники, убитые в тридцатых.

В нём сведены до мимолётных снов
Победы наши, беды и обиды.
В нём поезд улетает в даль веков,
Чтоб привезти письмо из Атлантиды.

И я туда когда-нибудь уйду –
В метро, в метро, которого и нету,
В ту безымянность, святость, темноту,
С которой, может быть, не надо света.

Там отдохну я от земных забот,
Сев на скамью, сгоревшую когда-то,
И руки мне оближет рыжий кот,
Который умер в девяносто пятом.

ПРИЗАВОДСКОЕ

У нас семь пятниц на неделе,
Чёрт не поймёт, где чей черёд...
Летает человек с портфелем
Над трубами ПО «Полёт».

Он крепко спит. Во сне – летает.
А значит – всё ещё растёт!
Как крепко он портфель сжимает!
Как ветер в волосах поёт!

Он делал спутники, старался.
Он ползал по цехам в пыли.
Уснул – и в кресле оторвался
От грешной матушки-Земли.

В нём что-то вечное воскресло,
Назло годам, на радость нам,
И вот – летающее кресло
Несёт его к иным мирам!

Ему сейчас, наверно, снится
Его космический прибор,
Летающий, клича, словно птица,
В невероятнейший простор...

А я – я руки стираю,
Глазами круглыми моргаю,
Я ветру вешнему внимаю,
Я ничего не понимаю.

Цветёт сирень, сияют дали,
И шум и гам со всех сторон,
И пляшет в майском карнавале
Призаводской микрорайон.

А инженер во сне невинном
Летит, к открытиям влеком,
И книжки с чертежами клином
Летят за ним – за вожаком!

НОЧЬ В СКВЕРЕ

Закончились славно сегодня дневные дороги.
Последний трамвай уезжает, а я снова дома.
Присяду на миг на скамейку в заброшенном сквере,
Послушаю ветер, вдохну в себя звёздное небо.
...Кончается вечер, и небо смиренно темнеет.
Под пасмурным небом средь парка становится страшно.
Предметы снимают свои имена и названия,
И их очертанья от них обретают свободу.
Две чёрные птицы сплетают железные клювы,
Над ними клубится огромное чёрное небо.
Стоит среди сквера семейство фигур деревянных –
Славянская нечисть, смешной bestiарий Орфея.
Безносая баба-яга, богатырь или леший –
Становятся в сумраке злее, мертвее, живее.
Они в темноте скалят мне деревянные зубы,
Сжимают на горле времён деревянные руки.
Зрачки всё чернее, всё злее недвижные лица.
Они наше детство хранят, деревянные боги,
От нас же, от спешки, погонь, суеты бездуховной.
Над пропастью мира восходят отвесные мысли:
В раю дождь идёт снизу вверх, из печальной юдоли.
Там боги играют, то в смерть нисходя, то в бессмертье.
А мы выпадаем из туч нашей боли, и смертью
Зовём этот дождь, орошающий райские нивы.
Мы знаем, что есть в небесах воскресение мёртвых,
Но нам воскресенье живых в этом веке нужнее.
Оно внутри нас, ежечасно и ежемгновенно,
Но только прорваться к нему нам немислимо трудно.
Я трижды воскрес, но ни разу не умер, как надо,
Поэтому смотрят так зло деревянные боги,
И чёрное пламя небес надо мною клубится
Бездушной, безжизненной, безблагодатною ночью.

...POST SKRIPTUM

Пролетят лучистой пылью миги,
Все труды и дни житья-бытья.
Записью в конторской пыльной книге
Станет жизнь нелепая моя.

А коль спросят: как ты жил? – поэта?
Жил, дурил, влюблялся... ну, как все.
Время металлического цвета
Пролетало мимо по шоссе.

Строил планы. Измерял маршруты.
Был порой от злобы – сам не свой.
Верил. Гулливерил. Лилипутил.
Но в конце – остался сам собой.

В небе был всеильным, как молитва.
На земле – бессильным, словно бог.
Строчкой, безопасной, словно бритва,
Ни поранить, ни спасти не мог.

От цветов всего земного спектра
Не осталось в жизни ни черта...
...Только дождь на Любинском проспекте,
Только синева и пустота.

Только ложь и невозможность встречи,
Только тёмный, мокрый город мой,
Только дождь, унылый, древний, вечный,
Под которым я бреду домой –

И во тьме навзрыд срываю нервы,
Полный слёз, как влаги – решето,
Детскими глазами глядя в небо
И шепча: за что?
За что?
За что?

НОЧЬ НА БЕРЕГУ

Ночной Иртыш. Глухая тишь.
Ночь пахнет синей тишиной.
Ты всё мне, может быть, простишь
За слёзы под Твоей луной.

Ты, может быть, отпустишь мне
Земную часть моей вины
За то, что я сгорал в огне –
В прозрачном пламени луны.

От ног моих и до небес
Река вольготно разлеглась,
Как лунных грёз противовес,
Сквозь нашу жизнь, сквозь нашу грязь.

Лучится аромат луны.
Лучи на волнах золотят
Сквозь нашу грязь, сквозь наши сны
Дорогу в рай, дорогу в ад.

Лохматый пёс лакает свет.
Его язык течёт в простор.
Цыганский говорок планет
Звучит земле наперекор.

Бездомный дух, бродячий пёс,
Бьёт по ногам моим хвостом,
Мне в руки тычет мокрый нос, –
Скиталец в космосе пустом.

Пророчески блестит бутылъ.
Пророчески дымит костёр.
Сквозь некосмическую пыль
Несётся запах-метеор.

Но звон трамвая в стороне,
Звучащий ровно в ровной мгле,
Едва напоминает мне,
Что мы, однако, на земле,

Что скоро что-то над землёй
Наполнит светом оком,
Что Ты очертишь контур свой
Меж тьмой и мной, добром и злом, –

Ты, зажигающий звезду
Над небом, видным сквозь пейзаж,
Сквозь весь извечный морок наш,
По вере, делу и труду,
По нашей вере в чистоту
Нам всем воздашь,
Сполна воздашь.

БЕСПРИДАНИЦА

Татьяне Чертовой

Ночь... Морозы... Чёрные метели...
Пьяная, слепая высота...
За окном – шумят ветвями ели.
В старом доме – жар и теснота.

В старом доме жизни места мало.
Распахни окно – и снег в лицо!
Там, за два квартала, – гул вокзала,
Ночь, огни, трамвайное кольцо...

Небеса застелены, как фетром,
Собственной бездонной глубиной...
Под ногами вновь дрожит от ветра
Твердь земли, облитая луной.

Я иду, от яви в сон проснувшись,
По следам давно ушедших лет...
Фонари, как змеи, изогнувшись,
Смотрят узкими глазами вслед.

Изогнулся купол звёзд гигантский...
Это царство так знакомо нам:
Атаманский хутор. Храм Казанский.
Пушка, что глядит во тьме на храм.

Здесь от века всё, как в море, тихо...
Здесь не слышно голосов людей...
Где ты, счастье, где ты, Эвридика,
Горький свет живой души моей?

Там, где ты сейчас, поёт стихия,
Там, пронзая взорами эфир,
В чёрных небесах созвездье Змия
Смотрит на огромный, бурный мир.

И я слышу – где-то, в дальнем храме,
За слепым простором Иртыша,
За рекой, за ветром, за степями
Плачет бесприданница – душа.

ВЕТЕР И ВОЛНЫ

(Иртышская набережная. Вечер. Одиночество)

Туманный берег. Сумерки любви.
Дождь пунктуально размечает плиты
На набережной. И почти забыты
Размолвки между мною и людьми.
Чем мы взрослей, тем чаще наяву
Мы ссоримся, как маленькие дети...
...Бессвязностью дождливых междометий
Описан мир, в котором я живу.

Незримая мне чувствуется связь
Меж ветром и волной, что нарастает.
Идёт прилив, и время прибывает,
О берег, как о тишину, дробясь.
А ветер, с пляжа в город восходя,
Стирает с сада времени отметки
И вписывает дрожь ольховой ветки
В тончайшую параболу дождя.

Я – ветер. Ты – волна. Смиришься ты,
Приливу неба уступив покорно.
Так сумерки втекают в зелень дёрна
Чернилами, что с неба разлиты.
И некий неизвестный миру бес
Играет связью неба с жизнью светской,
Стремясь отождествить рисунок детский
И звёздные каракули небес...

В чернилах – облака. Пустынен пляж.
Один ребёнок собирает камни.
Вернуть тебя... Познать себя... Куда мне!
Я – кто? Был – человек, а стал – пейзаж.
И в голову приходит лишь одно:
В разлуке, словно пёс, скулить негоже...

.....
Но звёздный холодок бежит по коже,
Когда Господь сквозь нас глядит на дно.

САД ВРУБЕЛЯ

...Тяжёлый август. Врубелевский сад.
Ключом скрипичным сплетшиеся ветки.
Высокий, словно в «Демоне», закат –
Не огненной, а каменной расцветки.
Здесь тихо, словно в море глубоко,
Лишь тишина волнуется, как воды,
И весело, и жутко, и легко
Бродить в зелёных сумерках свободы.

Береза дирижирует дождём.
Я слушаю его концерт – глазами.
Зелёный сумрак светится, и в нём
На чёрном пьедестале Врубель замер.
Сжимают холст худые кисти рук.
Глаза глядят куда-то вверх, над нами.
И в небо камнем улетает звук.
И небеса расходятся кругами.

Дрожит фонтана каменная митра.
Струя дождя, в фонтан вплетись скорей!
Здесь зелень, синь и серость на палитре –
Как сумрак неродившихся морей.
И, сколько б раз творец не умирал,
Он будет здесь – все осени и вёсны.
...Плывёт фрегат. И бледен адмирал.
И ветви сада движутся, как вёсла.

И в иероглиф вычурный сплелись,
Бушуя, ветви огненной расцветки.
Тоскует Демон. Но пустынна высь.
Пан держит флейту. Только песни редки.
Пророк глядит глазами пустоты,
И вновь сквозит в зрачках у Азраила
Безжалостность последней доброты,
Забывшей всё, что было... было... было...

И гений, умерев сто лет назад,
Незримо в парке, среди веток, замер –

И смотрит в кристаллический закат
Слепыми изумрудными глазами,
И осень рассыпается с небес
Кристаллами замедленного света,
В космическом хранилище чудес
Накопленного за большое лето,

И кажется, что мир наш не исчез...

РАСШИФРОВЫВАЯ СНЕГ

Марине Улыбышевой

Шумит тревожно книжная листва.
Седая туча ликом схожа с Богом.
Зелёный накануне Покрова,
Просторный луг чуть шепчет о высоком
Слова, что пропадают в мураве,
Непонятые, как пустые бредни.
И в белом храме Спаса-на-траве
Космическая служится обедня.

Как этот луг, мы другу и врагу,
Свою печаль шепоткой веры сдобрив,
Прощаем всё – словесную пургу
И холод, непонятный, как апокриф.
В глазах у неродившихся небес
Стоят творцы, преданья и пророки...
И, словно кони, взмыленные строки
Взлетают небесам наперерез.

Поэты, словно травы, зелены.
Шепча свои зелёные молитвы,
Мы скрылись бы от вьюги, как от битвы,
Под сердцем засыпающей страны.
Мы скрылись бы во сне, как в синеве,
От обжигающе холодной яви...
Но мы изобретать себя не вправе.
Нас пишет небо – снегом на траве.

Пришелец из приснившихся веков,
Я прочитал бы луг, как сборник басен,
Но алфавит травы ещё неясен,
И литеры не знают смысла слов.
И я, апокрифичный человек,
Ища во всем закона, меры, цели,
Сверяю с книгой литеры метели,
Угрюмо расшифровываю снег.

УТРО ПЕРВОГО СНЕГА

Нашим снам наперекор,
Может быть, кому-то надо,
Чтобы Бог заткал простор
Белой пряжей снегопада,

Чтобы кто-то, веря в сны,
Расстелил по скверам сукна
Первозданной белизны
С тонкой нежностью рисунка,

Чтобы на моём пути
Эти лужи, кровли, стрехи
Мне шептали: «Нас прочти!»,
Словно знаки, словно вехи?

Чтобы были сами мы,
Наши горечь и надсада –
Только частью этой тьмы,
Мокрых листьев и распада?

Это надо... Но кому?
С кровель, что-то сердцу знача,
Капли падают во тьму
И растаивают, плача.

Там, где не видать ни зги,
Плачет кто-то, стонет даже,
И расходятся круги
По промокшему пейзажу.

Первозданная земля!
Правящий тобою гений –
Выстилающий поля
Бог находок, бог сравнений.

Он отделяет сквер
Сумасбродством белых нитей,
Чистотою новых вер,
Откровений и открытий.

Открывает в нас простор
И очерчивает мелом,
Чтобы изумляла взор
Красная листва на белом.

Рассыпает щедро соль
В сырости путей трамвая,
Нашу горечь, нашу боль
В белизну преображая.

Бог сравнений, бог любви
Ни на миг медлит даже,
Распуская сны мои
Белой пряжею пейзажа.

ПЕЙЗАЖ ТАКОЙ ОБЫЧНЫЙ

Дорога серая, сибирская.
Две хаты. Снег. Вороны чёрные.
Да вьюга – злая, богатырская...
Моя Россия беспризорная.

Над домом – дымом небо ранено.
Земля лопатами искрошена.
А у избы сверкает гранями
Бутылочный осколок прошлого.

И, как обрубки жизней прожитых,
Окурки в снег измятый брошены.
Покрыто свежее порошью
Судеб измолотое крошево.

И на развалины соседовы
Струится желчь седого месяца...
И не пытайся, не выведывай,
ЧТО изнутри, сжигая, бесится.

Город Сон над рекой Тишиной –
Наваждение жизни земной.

Он уснул от великих побед –
Город Сон, город Смех, город Свет.

Он во сне распростёрт и распят –
Город Сон, город Стон, город Ад.

И царит над землёй моей он –
Богатырский чудовищный сон,

И столетия длится она –
Тишина, Тишина, Тишина.

Но во гробе, чьё имя – Сибирь,
Спит – и дышит во сне богатырь.

Под бесстрашием мраморных плит
Каждый мускул страданьем налит.

Полны силы уста и глаза...
Но проснуться, открыть их – нельзя.

И змеится река Тишина,
Без истока, без края, без дна.

И летит опаляющий свет
На мой город уже сотни лет.

Льётся, льётся, паля и горя,
На уснувшего богатыря.

ПРИЗЫВ К ТОПОРУ

ВСЁ О ЖИЗНИ

Стихи без глаголов

Вежливая медленность маршруток
Злая неуклюжесть мерседесов
Страшная начитанность блондинок
Буйная фантазия старушек
Лёгкий поцелуй велосипеда
Сладострастье боли под лопаткой
Странная причёска рогоносца
Мягкость электрического стула
Честность государственной газеты

Бескорыстие свиньи-копилки
Аппетитность колбасы без мяса
Красота последних книг Донцовой
Виртуозность женщины-таксиста
Наглая застенчивость мигрантов
Вежливость мужчины с автоматом

Чуткая находчивость таможни
Скучная улыбчивость нудиста
Праздничный порядок на дорогах
Бешенство железной табуретки
Злобное предательство домкрата

Мудрое бесстрашие идиота
Сладкая наивность бюрократа
Громкое раскаянье садиста
Безупречность вкуса людоеда
Грация и шик Армагеддона

Блеск и нищета всего земного.

МОСКВА

*Третий Рим – гениальный юродивый –
Расправляет лохматые волосы...*

Илья Тюрин

Третий Рим, второй Ершалаим –
Сколько прозвищ мы тебе дарили?
Мы торгуем, строимся, горим –
Вечен ты в своей лукавой силе.

Над тщетой опальных наших дней,
Где мелькает злоба дня пустая,
Вновь Москва, как город-Назорея,
Волосы – дороги распускает –

Спутанные, в седине снегов,
Словно сеть, которой ловят небо...
Семь холмов, семь башен, семь Голгоф,
Лоб Земли, сплетенье русских нервов.

С древности, с монголов, с Калиты
Ты сбирала землю по крупичам,
Чтоб смогли все русские мечты
О твоё величие разбиться.

Слобода за слободой росли,
Ни мороз, ни враг им не был страшен,
И тянулись к небу от земли
Пальцы красные кремлёвских башен...

Прирастая гордостью своей,
Строилась ты на крови и славе –
Каменными юбками церквей,
Медными волнами православья...

Из судеб нарублены рубли...
Полон мыслей о стране распятой
Лоб, таящий мозг всея Земли,
Словно площадь Красная, покатый.

Лобные места, кресты церквей,
Автотрассы, башни, дым и грохот...
Слился с правдой – общей и моей –
Этот злой, великий, тёмный город.

Третий Рим, огромен и суров, –
Сердце, кровь гонящее без цели,
Город звона, казней и крестов,
Город плясок, гульбищ и метелей...

В нем хранится, до поры таим,
Русский путь от смерти к воскресенью –
Третий Рим, второй Ершалаим,
Город – царь и город – наважденье.

«Краденое солнце»

НОЧЬ В ВИЗАНТИИ

«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»

От Иоанна, 1, 3

Шумит листвою просторный тёмный парк.
Чуть слышен смутный шорох волн с Босфора.
Молчит устало опустевший рынок.
В густой траве таится хитрый вор.
Над фолиантом дремлет старый книжник.
Ночь – ночь – везде – повсюду – и во всём.

Пришла пора вселенной отдохнуть.
Огромный небосвод смежает веки.
Ночь тянется, как длительный глоток
Небытия, прохладный и глубокий.
А темнота самой себе вослед
Течёт над садом, в тишину впадая,
И над домами кружится Ничто.

Империя спокойно может спать.
Имперский скипетр тяжелее мира
И невесомей ненаставшей смерти,
Что перевесит всё, когда придёт.
Идёт над древним одряхлевшим миром
Процессия из цезарей вселенских.
Они мертвы, им ничего не страшно,
Их крепость – не от мира, от небес.

Дремли, дремли, империя ромеев!
Волшебным кругом ты обведена.
О том, что ждёт нас в ангельском Всегда,
Молчат уста святого Хризостома.
О будущем он нам не говорил,
А значит, нам о нём и знать не надо.
А впрочем, что не входит в праздный ум,
Когда в ладонях ветер преподносит
Трепещущую даль тебе к лицу!

А в храмах ночью тихо и прохладно.
Мозаики сияют в темноте,

Фаворский свет течёт из алтаря,
Поэт ест хартию со Словом Божьим,
С икон святые говорят друг с другом
На ангельском, прозрачном языке,
И длится тихий разговор икон
О том, что было, и о том, что будет.

Сад императора тяжёл и тих.
Шумят чуть слышно пальмовые ветви.
На постаментах вдоль пустых аллей
Стоят нагие люди в роли статуй.
Дышать и мыслить им запрещено,
Но жить им можно – и они живут
Уже три века, если верить книгам.

В библиотеке цезаря светло.
Там нет светильников, там светят знанья.
Библиотекарь спать ушёл домой,
А книги оживают и парят,
Свет источают – яркий, золотистый,
Друг с другом спорят, истину находят
И вновь теряют, чтоб опять искать.

А мы одни в лачуге бедняка.
Висит над нами сумрак, как холстина.
И я прижмусь к тебе, как к ране – бинт,
Смиреница! Греховно и священно
Моё необладание тобой.
Я, бледный книжник, писарь-грамотей,
Из мира свитков, хроник и указов,
Как из могилы, ухожу в тебя,
Всю нерастраченность грядущей тьмы
Влагая в поцелуй свой неразменный.
У нас, возможно, скоро будет сын...
Потомки, как потёмки, как потоки,
Клубятся между нас, незримы нам.
И я к тебе прильнул – повязкой к ране,
Чтоб стать весомым – или чтоб пропасть,
Чтоб всей своею жизнью, всей природой,
Всем отреченьем осознать себя.

По галерее у дворца идёт
Прозрачный призрак. С ним давно знаком я,
Его не испугаюсь я вовек,
Ведь чудо отличимо от причуды
Таящимся во тьме раскладом сил.
Он голову проносит на руках
Свою – из темноты в недоверность.
Он – победитель, он не тронет нас.

Прочувствовав простор и тишину,
Я жадно пью живую прелесть тела...
Мне кажется порой в такой момент:
Быть может, мне приснился этот мир,
Где все мы – нарисованные люди?
Как подсчитать ничто? Лишь став ничем.
Но из нуля себя потом не вычешь.
Что думает пространство за меня
О той среде, где жизни нет и смерти?
Да, там – не-свет, не-звук, не-аромат
Царят над чувствами, и мы там правим,
И я молчаньем учреждаю Бога
Неслышанного, нового для нас –
Любовь, что солнцем светится в ночи.

Шумит листвою просторный тёмный парк.
Чуть слышен смутный шорох волн с Босфора.
Молчит устало опустевший рынок.
В густой траве таится хитрый вор.
Над фолиантом дремлет старый книжник.
Ночь – ночь – везде – повсюду – и во всём.

Повсюду тьма. И лишь во мне – светло.

МОЯ СИБИРИАДА

Под звёздным небом серебрится снег.
Легко течение воздушных рек.
Любая ель, что здесь в снегу стоит,
Прочней и выше древних пирамид.
Деревьев вековых высокий строй
Стоит Китайской царственной стеной.

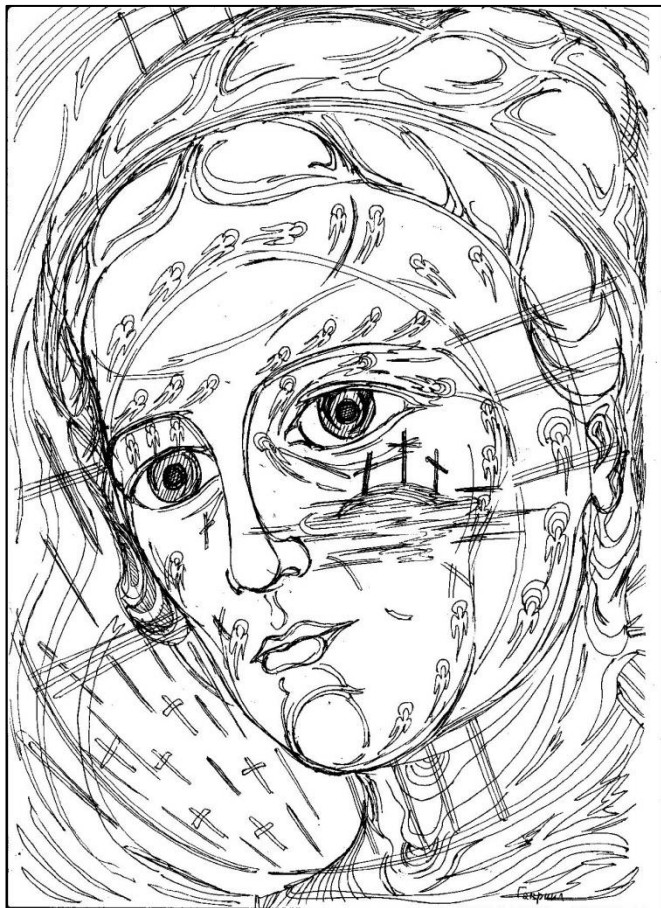
И ветер в мир несёт благовую весть:
Сибирь есть тяжесть, но она – не крест:
Страна моя, где нет добра без зла,
Как шапка Мономаха, тяжела.

Вдали молчат Атлант и Прометей:
Им нечем дорожить, кроме цепей.
И спит который век, который год
Над старым миром плоский небосвод.
Ему судьбой преподнесён урок:
Европа – рукоять, Сибирь – клинок!

В Сибири снег горяч, как молоко,
И кажется, что можно здесь легко
Небес коснуться, только не рукой –
Протянутой за счастьем строкой.
Здесь, лишь ветвей коснёшься ты в метель, –
Одним движеньем царственная ель
Снег сбрасывает с веток сгоряча,
Как будто шубу с царского плеча.
«Дарю тебе. Ты – бог иль богатырь?
Неси, коль сможешь. Тяжела Сибирь!»
Страна моя, где нет добра без зла,
Как шапка Мономаха, тяжела.

Здесь нет границ меж миром и войной,
Здесь нет тепла, нет лёгкости земной.
Но правда, что в земле затаена,
Растёт, растёт – без отдыха, без сна,
Чтоб обрести предсказанный свой рост –
Превыше неба, ангелов и звёзд.

Расти, расти над миром, над собой,
Над дружбой, что зовут у нас борьбой,
Над склоками царей, цариц, царьков,
Над пресной мудростью былых веков,
Над звоном поражений и побед
И над звездой, не видящей свой свет.
Блуждай, страдай, ищи себя в пути,
Но, вопреки всему, – расти, расти!..

«Архангел Гавриил»

МОСКВА - СИБИРЬ

*У меня в Москве – купола горят.
М.Ц.*

У меня в Сибири снега лежат.
У меня в Сибири дубы дрожат.
И Сибирский тракт сквозь века ведёт
В шкурой высланный небосвод.

У тебя в Москве – колокольный звон,
Колокольный звон из иных времён.
Колокольный звон да монетный звяк,
Беготня, да гам,
да кабацкий мрак.

А в Сибири-то кандалы звенят,
Кандалы звенят да слова звучат
Про воров, про воронов, про орлов, –
Слишком много их,
непокорных слов!

А Москва всё молится да молчит,
Всё молчит-молчит да суму растит.
Нарубить рублей из живых людей –
Вот затеюшка
краше всех затей!

Но медвежьей шкурой чернеет даль,
И снега молчат, и молчит печаль,
Молча светит горечь сквозь темень глаз:
Нам сквозь строй идти –
да не в первый раз.

И бегут гонцы из Москвы в Сибирь,
И медвежьей шкурой ложится ширь,
И звучит в столетях крикливый спор,
И не ржав топор,
и острог востёр.

Колокольный звон да кандалный звон –
Завязался спор до конца времён.
И звенят они, не уйдут добром,
Сквозь монетный звяк
да снарядный гром.

* * *

Перпендикулярная страна
Отовсюду на земле видна.

От небес и до морского дна –
Высота её и глубина.

Для земных людей она странна,
К небесам она устремлена.

От себя пьяна – не от вина.
Мир ей тяжелее, чем война.

В сетке параллелей всем чужда,
Лишь своим смирением горда,

Как в огне, в себе она горит,
Плачет и о Боге говорит,

Распростершись, как меридиан,
Поперёк всех одномерных стран,

Словно струнам – ангельский смычок,
Всем земным явлениям

п
о
п
е
р
ё
к.

РЕВОЛЮЦИЯ

Краснознамённая и окаянная,
Русская, мощная, буйная, странная,

Крейсеравворная, пушечногромкая,
Зычная и по-мальчишески ломкая,

Братоубойно-гражданско-военная,
Славно-бесславная и незабвенная,

Нэпостижимая, кол- и совхозная,
Петровеликая, царственно-грозная,

Сталезакальная и руссколесная,
Голодоморная и днепрогэсная,

Троцко-ягодо-ежово-стальная,
Хвойно-острожная, майски-хмельная,

Лагерно-вьюжная и магаданская,
Волоколамская, космодемьянская,

Курско-орловская и сталинградская,
Громко-победная, горько-солдатская,

Юро-гагаринская, всеоблётная,
Спутниково-островково-свободная,

Лысая, пьяная и кукурузная,
Кузькино-матерная, всесоюзная,

Шестидесятничья, островопросная,
Маразматичная и бровеносная,

Госмонопольная, сухозаконная,
Словно солдатская рюмка, бездонная,

Стройно-застойная и перестройная,
Вечно бурлящая и беспокойная,

Идиотичная, гэкечепэшная,
Глупая и героически-грешная,

Русская, адская, буйная, славная,
Неукротимая, самодержавная,

Крейсером создана, танком раздавлена,
Кровью и потом рабочих прославлена,

Самая наша и самая вредная,
Бедная, медная, но – всепобедная, –

С днюхой тебя! – всей планете на диво:
Век пролетел – ну, а мы ещё живы.

Волею Ленина, силою Сталина
Славная каша такая заварена:

Из русской крови, и пота, и жил
Славную кашу горшок наварил.

Каша-малаша, да соль, да топор –
Вот что едим мы в стране с этих пор.

Долго ещё эту славную кашу
Будут расхлёбывать правнуки наши.

Может быть, им, как настанет пора,
Будет понятно, ты зла – иль добра.

ПРИЗЫВ К ТОПОРУ

Мало было нам лихого слова, —
Подавай гражданскую войну!
И топор, убивший Пугачёва,
Каши наварил на всю страну...

Накормили кашей топориной
Семью семь народов и племён —
И назад, за удалью старинной,
В вертоград невянущих знамён.

Топоры потратили на кашу —
Нечем дом поправить вековой...
Лишь топор да каша — пишша наша,
Только ими наш народ живой!

Думай, грезь, плыви не по течению,
Выбирай себя из века в век...
...Но пустить топор по назначенью
Не желает русский человек.

ИНФЕРНО

Данте идёт в догорающий ад.
Путь его крут, и упрям, и крылат.

Волки свершают обряд на луне
В душевной, беззвёздной ночной тишине.

Пепел Освенцима дремлет в печах.
Мир постарел, и ослаб, и зачах.

Слышится в гетто вой лунных волков.
Слышится дрожь ненаставших веков.

Пепел столбом вслед за Данте идёт.
Ад растворён – и Спасителя ждёт.

Лестница вьётся от бездны до звёзд.
Путь Алигьери обманчиво прост.

Чутки шаги по спирали во тьму,
Ясную сердцу, чужую уму.

Трижды дано нам три круга пройти,
Кровью измерить всю тяжесть пути.

Лунные волки в дурмане ночей
Светят глазами из пепла печей.

Долго ползёт по планете дурман.
Мир до сих пор страшной памятью пьян.

Пепел летит от земли до луны,
Люди в ночи видят вещие сны.

Лестница пепла ведёт до небес,
Только Идущий во мраке исчез.

МОЙ ТРАНСВААЛЬ

Мой Трансвааль, страна моя,
Ты вся горишь в огне.
Война, ты наша – и ничья,
Дана ты свыше мне.

В сердцах былые времена
Оставили свой след.
В нас англо-бурская война
Идёт сто двадцать лет.

И бурым бурам не понять,
Зачем нам ехать вдаль –
К ним, где опять, опять, опять
Пылает Трансвааль...

Твоих реестров, списков, смет
Не сосчитать векам.
Горстями славу, грех и смерть
Ты щедро сыплешь нам.

За жизнь, за веру, за царя,
За счастье всех веков –
Концлагеря, концлагеря,
И боль, и смерть, и кровь.

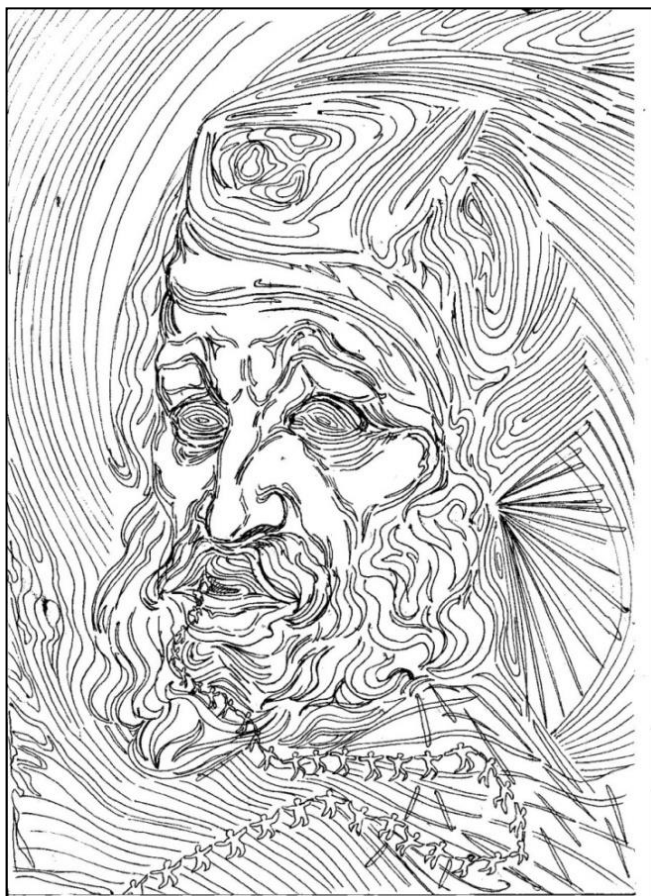
За счастье, за любовь, за свет
Стреляй-убей-умри...
И смерть, как жизнь, и жизнь, как смерть.
Слепы поводыри.

И день и ночь, и ночь и день
За славную судьбой
Мы сквозь победу, как сквозь тень,
Проходим – на убой.

При жизни я горю в аду,
Хоть нет на мне вины,
И умерев, я не уйду
С проклятой сей войны.

Идут колонной мертвецы
По выжженной земле.
Идут убитые отцы,
Поют о вечной мгле.

Глаза – пусты. Душа – мертва.
И ничего не жаль.
И в сердце – те же всё слова:
Будь проклят, Трансвааль!

«Пляшущие человечки»

ВРАГ

Когда воскресну, ты напомни мне,
Как пахнет дым костра осенней ночью,
Как пляшут искры в синей тишине,
Как молчаливы звёздные отточья.

Напомни мне, что значат ад и рай.
За сотни лет душа от них отвыкла.
Вновь надо мною прозвенел трамвай,
Потом был выстрел... а потом всё стихло.

Сейчас мне грустно, тихо и темно.
Я тих, как похороненное солнце.
Пусть под землёй горит моё окно.
Пусть в небесах горит твоё оконце.

Напомни, как с тобою я играл,
Как ты прижался к маминому стану,
А на твоём виске я увидел
Шрам от ещё не нанесённой раны...

Как беспощадны правила игры:
Я всё забуду, что я помню ныне –
Твой взгляд, и запах крови, и костры,
И дым в Сирийской выжженной пустыне...

Всё было так давно... Ты помнишь, да?
Хотя забыть про всё один ты вправе...
...Когда и я воскресну... без следа,
Напомни мне об этом,
брат мой
Авель.

Пока не кончится Троянская война,
Не говори мне о живых и мёртвых.
Кто жив и мёртв, кто прав и чья вина –
Всё это нам неясно, тускло, стёрто.

Война идёт, она была всегда.
И тем, кто умирает, равно милы
В реакторе тяжёлая вода,
Большая Берта и копьё Ахилла.

Война приобрела иной размер.
Ахилл и Гектор всё давно забыли:
Где Троя, кто там Шлиман, кто Гомер –
И превратились в тучи звёздной пыли.

Графитовые стержни не текут,
Мы за судьбу убитых не в ответе,
Солдаты в смерть шеренгами идут
И мёртвых в жизнь провозят на лафете.

Вдоль Чёрной речки я, Борис и Глеб
Идём, глядим наверх – и хмурим брови:
Живые делят с мёртвыми свой хлеб
У волн кипящей чёрно-белой крови;

На кладбищах взрывается сирень,
Гремят артиллерийские раскаты,
И жители сожжённых деревень
В могилах аплодируют солдатам;

Идёт на город кислородный дождь,
Мы спим в просторах ледяной державы,
И нас не воскрешает наша мощь,
И нам легко от нашей мёртвой славы.

Война превыше наших дел и мер.
Обол во рту ждёт до конца дороги.
В коне троянском ждёт слепой Гомер.
Во мне рыдают маленькие боги.

Пока не кончится Троянская война,
Мы не поймём, кто прав и чья вина.
Когда поймём – всё будет слишком поздно,
Мертво, бескровно, ветрено и звёздно –

Когда закончится Троянская война...

«Платон и дух нелепости»

ПИСЬМО В ВОЕННОМ МУЗЕЕ

Я воевал. Я был убит в сраженье.
И всё, что сохранилось от меня,—
Одно письмо, что я писал в смятенье,
В землянке, у тревожного огня...

Теперь письмо заключено в музее.
Душа лежит недвижно под стеклом,
Стоят подолгу люди перед нею,
Не зная, что произошло потом...

А я теперь – никто, я – призрак, атом.
Не знал я на планете похорон.
Лишь память треугольником помятым
Летит, летит сквозь глубину времён...

ДЕВУШКА ПЕЛА

Девушка пела в снесённом храме,
Светясь в зелёных косых лучах,
О всех распятых, зарытых в яме,
О всех сожжённых в чёрных печач.

Девушка пела в сгоревшем мире
Для нас, погибших в чужом краю,
Для нас, забывших о жизни милой,
Для нас, истлевших в белом раю.

И корабли проплывали в небе,
И купол белый сиял во мгле,
И мы улыбались – смешно, нелепо,
Впервые на этой новой земле.

Лучи краснели, лучи сияли
Сквозь окна в стенах, которых нет,
И мы глядели, и мы молчали,
И пили алый нездешний свет.

Горели свечи, шептали свечи
У нарисованных в небе врат,
И счастье наше казалось вечным,
Поскольку мы все *не пришли назад*.

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Он стоит один в ночи.
Глухо кашляет. Молчит.
Курит самокрутку, слыша,
Как скребётся мышь в печи.

Сотый год горчит табак.
Сотый год разлук и драк.
Сотый год, как длится осень...
Он – осенний патриарх.

Сын Бессмертного полка,
Он нас старше на века,
И немецкой кровью Волга
В жилах у него горька.

А изба его прочна,
Хоть врагами сожжена
На единственной, гражданской,
Там, где брат, отец, жена...

А над ним луна – снаряд.
Звёзды выстроились в ряд.
Пули в теле оживают
И стихами говорят:

*«Мы со всех концов земли.
Боль в тебя перенесли.
Ты прими её в подарок,
Чтоб мы жить в тебе могли».*

Жил в аду он, жил в раю,
Жил у Бога на краю,
И песчинкой Атлантиды
Вынесен в Сибирь свою.

Помнит он и пыль, и прах,
Помнит, – в золотых песках
Бог с шакалей головою
Мерил сердце на весах.

Видит, как за годом год
Сквозь круговорот забот
К небу по теченью крови
Родина его плывёт.

Помнит облачный узор,
Как со склонов райских гор
Нам, бездомным, открывался
Заповеданный простор.

Хорошо там, в синеве,
В первозданной мураве,
Глядя сверху вниз на звёзды,
Спать на огненной траве...

Тёмный лес глядит в закат.
Опадает старый сад.
И Господь с изнанки неба
Смотрит – и глаза блестят.

Это осень всех надежд,
Это правда без одежд.
Это осень патриарха,
Это сон открытых вежд.

Это вечность без тепла,
Жизнь, сожжённая дотла,
Это лёгкий, чистый пепел
Правды, лжи, добра и зла.

«Явление героя»

ТЕНИ ЗАБЫТЫХ ПРЕДКОВ

Тёмное видение

Предметы, люди, краски, звуки, чувства –
Всё вплетено, как в ткань, в большую ночь.
По своенравным правилам искусства

Проснись во мне, мой Данте, и пророчь!
Настала полночь. В дом мой входят гости.
Пусть заботы дня уходят прочь!

Мир полон пауз. Всё весьма непросто.
Ко мне пришла родня – кто был убит,
Кто сгнил в земле забытого погоста,

Кто сам собой и миром был забыт...
Вот – белый человек в потёртом френче
Сидит со мной и молча говорит.

Как много смысла в молчаливой речи!
Он кроется в тени, дрожит рука
Истлевшая, и дрожь – небес не мельче.

Ему дана судьба черновика
Чужой судьбы, огромной, без предела,
Как воздух из предсмертного глотка...

Скелет в солдатской порванной шинели
Сидит за ним и смотрит в темноту.
Поёт сквозняк в его прозрачном теле,

И звуки застывают на лету
И падают, звеня, как будто льдинки.
Солдат молчит, он помнит за версту

Пути грядущих боен – без запинки.
Вот – в арестантской робе пустота
Стоит за ним и шумно дышит мною,

И лунный свет на ней – слеза Христа.

И слышно в темноте тысяченочной,
Как Время больно стиснуло уста.

Они меня прочли – всего, заочно.
Они сидят, едят священный мак,
И всё вокруг и вечно, и непрочно,

И ярче звёзд блестит загробный мрак.
Кто мог бы знать, насколько больно свету
Их освещать, сошедшихся вот так,

Как воры, ночью?... Дует чёрный ветер
Сквозь них и сквозь меня. Сей ветер – Бог.
Танцует ветер по большой планете,

Сметая страны танцем лёгких ног.
И, воспевая танец многоликий,
Меня, как золото, мой тратит слог –

Транжирует солнце на лучи и блики,
Покой надежд – на звон *благих* вестей...
И слышу я, как на ветру столико

Играет скрипка из моих костей
Мелодию бесплотного полёта
Для утешенья ночи и гостей,

И выше всякой боли и заботы
Звучит, звучит, нас в небо вознося,
Та чистая Божественная Нота,

Та музыка, что движет всем и вся.

Жили-были, ели, пили,
Верили в любовь.
Из картона шили крылья.
Проливали кровь.
Расставались и встречались,
Мучились сполна.
Счастья истребили завязь...
Дальше – тишина.

Побеждали. Пропадали.
Падали с небес.
В смене радостей-печалей
Жизни смысл исчез.
Ну, и что ж, – так даже лучше,
Пей, дружок, до дна!
Вдруг – во тьму взглянули с кручи...
Дальше – тишина.

Волновались, ошибались,
Чиркали стихи.
При своей беде остались,
А к чужой – глухи.
Вновь зовут остатки пыли,
Вновь пришла весна...
Жизни нет. Любовь остыла.
Дальше – тишина.

ПРОМЫВАЯ ВРЕМЯ

ЗОЛОТОЙ ПЕСОК

Мне вверен труд, пока не грянет срок, –
Я промываю время, как песок,

Пресеиваю в строчках прах веков,
Взметнувшийся из-под чужих подков,

Ищу, свищу, взыскую, ворожу
И золотой осадок нахожу.

В нем был хрустит, как золотая пыль –
Погоня, плен, серебряный ковыль,

Хазарский свист, столетий звездопад
И облаков кочующий Царьград,

И сплётшиеся за смертью тела,
И двух людей пронзившая стрела –

Меня – с певцом, что в том, былом веку
Гремел струнами «Слова о Полку»...

И, мучаясь, тоскуя и любя,
Из древних стрел я выплавил себя.

Я выплавил из сабель свой напев,
Что лишь окрепнет, в душах отзвенеет.

И пусть течёт сквозь веки и века
Моя строка, как Млечная река,

Как трубы птиц над Сулой и Двиной,
Как лисий порск, как древний волчий вой –

И не найдет вовек в пути преград
Небесных туч кочующий Царьград!

Я листал, словно старый альбом,
Память, где на седых фотоснимках
Старый мир, старый сад, старый дом, –
Прошлый век с настоящим в обнимку.

Деды-дети, мальчишки, друзья,
Что глядят с фотографий бумажных, –
Позабить вас, конечно, нельзя,
Помнить – трудно, и горько, и страшно...

Вы несли свою жизнь на весу,
Вы ушли, – хоть неспешно, но быстро.
Не для вас стонет птица в лесу,
Не для вас шелестят ночью листья.

И, застыв, словно в свой смертный час,
Перед камерой, в прошлой России,
Вы глядите с улыбкой на нас –
Дурачки, скоморохи, родные!

Не спасло вас... ничто не спасло:
Земли, сабли, рубли... всё пропало.
Вероятно, добро – это зло,
Что быть злом отчего-то устало.

Что ж, пора отдохнуть. Жизнь прошла.
Спите, прожитых лет не жалея.
Лёгок сон... а земля – тяжела.
Только жизнь может быть тяжелее.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Поэтический комментарий к Дарвину

Стихли в небе орлиные клики.
Мир дрожал, как в последний свой миг...
Кроманьонец, усталый и дикий,
С палкой вышел из дебрей лесных.

Он смотрел на луну первозданно,
Допотопно, пещерно и зло...
И в мозгу у него окаянно
Что-то мучилось, зрело, росло...

Поднимались дворцы и колонны,
Восставали над миром цари,
Римы, Лондоны и Вавилоны
Каменели в сиянье зари...

Кроманьонец стоял, тихо ахал
И слезу мокрой лапой стирал...
Только мамонт – впервые без страха –
На него из чащобы взирал.

А в душе у лесного бродяги
Под неведомый атомный скрип
В первозданном тумане и влаге
Поднимался чудовищный гриб...

Эдды, Библии, кодексы веры
Зарождались в лучистой пыли...
И в узорах на стенах пещеры
Прорастали эскизы Дали...

И молчали тревожно пещеры,
Предвкушая, как скоро, горя,
Над столицами атомной эры
Мезозойская встанет заря.

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ ПАЛАЧ

Работу получил я по наследству.
Я не хотел! Я был здесь ни при чём!
Но люди затвердили это с детства:
Сын палача стать должен палачом.

Не изменить ни крови, ни природе.
Я за ступенью прохожу ступень.
Казнимый только раз на плаху всходит,
Палач туда приходит каждый день.

И в миг, когда топор я поднимаю,
Душа, как будто пот, течёт из пор.
– Господь, Господь! Грехи свои я знаю!
Господь, прости! И упадет топор.

Иду домой. Один. Перестрадаю,
Переживу. Ведь я привык страдать.
Ногою пса голодного пинаю.
Пью. Как на плаху, падаю в кровать.

Глаза закрою – и средь мрака ночи
Вдруг вспыхнет совесть, осужденье зла,
И некий свет до крови режет очи,
Смертельно яркий, острый, как игла...

Во мне, как зуб, прорежется сомненье,
Лишая сна, покоя, тишины,
И я схожу по медленным ступеням
К сознанию долгой, тягостной вины.

Молюсь. Вдруг плюну на икону злобно –
И разрыдаюсь. Вниз направлю взор.
А луч луны вдруг озарит упорно
Лежащий под божницею топор...

Но кровь – зовёт. И не изменишь крови.
Но мир жесток, где плач смелей, чем смех,
Где крылья страсти тянут вниз сурово,
А совесть – груз, что поднимает вверх.

Со смертью завтра я сыграю в кости.
Проснусь в слезах, унижен, зол и мал,
Чтоб снова на бревенчатом помосте
Тем злей казнить, чем больше я страдал.

АВВАКУМУ

Сибирь с огромными пространствами,
В слепых снегах, в кровавых росах,
Прошел пророком ты, пространствовал,
Опершись на кедровый посох.

Ты шел, ты мерил землю мерою,
Какой и неба было мало;
Перед тобой упрямо щерилась
Россия чёрным ртом Байкала...

Ты видел льды, что век не движутся,
И трав Даурии убранство...
Ты изучил с азов до ижицы
Уроки русского пространства.

Сквозь льды Байкала, дебри тарские
Ты рвался правдою смертельной
И гордо нёс в хоромы царские
Лукавство прямоты предельной.

И обжигают нас пока ещё
И делают прямей и чище
Твой говор, слог, огнём пылающий,
И огненное пепелище...

И, как в развязке древней повести,
Достались мне – сквозь поколения –
Грехи твоей упрямой совести,
Гордыня смертного смиренья...

И до сих пор, подобно бремени,
Во испытание дана мне
Сибирь – как впадина во времени
Меж веком атома и камня.

Меж веком каменным и атомным –
Снега, убогие жилища,
Крутой напор ума Аввакума
И огненное пепелище...

КОЛУМБ ВЕРНУЛСЯ

Монолог пьяного адмирала

На небе светит глупоглазый месяц.
Я на него готов завять, как пёс.
На всю вселенную усы развесив,
Меня в таверне слушает матрос.
Ночь холодна, как будто королева.
Европа спит, грязна, как мой камзол.
И тошно представлять, твою налево,
Что я – источник золота и зол...

Когда стремился я в поход индейский,
Я не стыдился лести и вранья –
Руководила мной, по-компанейски,
Космическая алчность бытия.
«Нажива на живых рабах – гуманна,
Рабам спасает души – невзначай.
А золото – ведёт за океаны,
Питает разум, покупает рай».
Сто раз я кланялся убийцам и прохвостам,
Сто раз просил займы у дураков,
Сквозь океан тащил пропойц на чёртов остров,
Открыл дорогу в рай... и был таков.

Открыл? Проваливай! Тебя не жальче,
Чем тех рабов, что ты привёз, дур-рак!
...Моя метафизическая алчность –
Дорога в Новый Свет и Новый Мрак.
Ругнуться бы озлобленно и грубо,
Да смысла в злобе нет...как и во всём.
Индеец-раб нахально пучит губы,
Не понимая, что мы тут несём...

Себя учу я, как язык индейский.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Смерть смотрит вдаль с улыбкой фарисейской,
А жизнь – скучна, как верная жена.
Я быть пытаюсь сумрачным и гордым,
Я умножаю злобу и враньё...

А королева холодна, как орден,
Как званье адмиральское моё.

...Я лгал. Я грабил. Я сменил отчизну.
Я знал похмелье, но знавал и хмель...
Хуан! Тащи бутылку. В небо брызну
Струёй бургундского... Я, кстати, вызнал
Научное определение жизни –
Оно одно, простое: канитель.

Какая канитель, скажите просто, –
Мечтать о славе, золоте, добре,
Считать, что океан тебе по росту,
И оказаться смердом при дворе!
Они меня забудут, право слово,
Бог весть чьим именем прозвав страну,
Что я открыл... Но в этом нет худого.
Смешно другое, как я ни взгляну:

Сие забавно – стать в веках героем,
Рискуя жизнью, честью и душою,
Сквозь океан прокладывать следы
Для воровства, наживы и вражды;
Сквозь море рыскать, надрывая *опу,
Сто раз тонуть, в долги по грудь залезть,
Чтоб привезти в продажную Европу
Рабов, и золото, и модную болезнь;
В Мадриде плесть для грандов небылицы,
Просить деньжат, и жрать, и бабу мять...
Но тошно мне к чему-то зря стремиться
И что-то в этой жизни понимать.

Стреляй, скачи, живи... А что же дальше?
Как ни ломай башку, и не поймёшь.
Во всём, что мы творим, есть доля фальши,
И даже правда – это праведная ложь.
Мы лжём, что ищем новизны, открытий.
Для грандов всё равно, я жив иль мёртв:
Достаньте золото, а там – хоть не живите,
Хоть удавитесь... Бережливый мот,
Я промотал себя – за власть и деньги,

Которые сквозь пальцы утекут...
Да, все мы дураки, но все мы – дети,
Не знающие, что они – растут.
Мы подрастём. Мы, может, поумнеем.
Мы станем благодарней и скромней...
Мадрид мудрит, вино в нём – чуть хмельнее,
Чем в Генуе, и сумрак – чуть черней.
Европа пахнет лавром и лимоном.
И на черта я мчал за океан?
Добро везде слабо, а зло – бездонно,
Как океан... как этот вот стакан.
Я пью, я пью... и не напьюсь, дружище.
Мы, моряки, такие дураки!
Плывём куда-то, всё чего-то ищем,
Хотя не движутся материка...
И море нам бормочет матерки.

Мадрид мудрит, а гранды жаждут грантов.
Ночь молчалива, словно ветчина.
Откапыватель собственных талантов,
Я сам не знаю, в чём моя вина:
Я развратил открытием полмира,
Привёз вам попугая и банан,
Приполз в харчевню, сам себе не милый,
И пью, и злюсь, что до сих пор не пьян.
Европа спит, как мирная старушка...
А океан ворчит, как Бог, суров...
Хуан! Тащи бутылку. Где же кружка?
Куда нам плыть? Понятно всё без слов.

ПАМЯТИ ИВАНА БУХОЛЬЦА

Солнце над Москвой. Лихие речи.
Юный царь. Потешные войска...
Знал ли ты тогда, дворянчик-немчик,
Что судьба, как самогон, крепка?

Царь тебя растил не для уюта,
Не для шуток среди придворных дам...
Он послал тебя – в угрозу смуте –
В долгий путь за золотом Якута
По сибирским чащам и степям.

Грезишь славой? Это – после, после...
Знай: судьба пошлёт тебе взамен
Пыль, и кровь, и злой джунгарский посвист,
Отступленья с Ямышевских стен....

Но тебе удастся – вот нелепость! –
С войском в пару сотен человек
Основать одну большую крепость
На стеченье двух сибирских рек.

И за то, что слушал глупых правил,
Войско не сгубил, не сделал зла,
Питербурх тебя под суд отправил,
И Сибирь на рабство избрала.

И гляди, любимый небесами,
Как, внучка немецкого любя,
Узкими, монгольскими глазами
Родина приветствует тебя!

Брошенный судьбой среди степи голой,
Сам в себя зарывший свой талант,
Основатель Кяхты, друг монголов,
Старый селенгинский комендант,

Ты, кому с улыбкой – для затравки –
Возражают новые вожди:

– Можно ль старику уйти в отставку?
– Можно. Только вечность пережди, –

Знай: в веках степным повеяв духом,
Вечный сон найдя в степной траве,
Фразой простой: «Пропал как Бухольц» –
Сохранишься ты в людской молве.

Будет всё. Метель-судьба отсвищет.
Время новый изберёт маршрут.
И твоей могилы не отыщут,
И твою дорогу заметут.

Жизнь – одна лишь горькая нелепость,
Скрытая под холод чёрных плит...
Но тобой основанная крепость –
Омская – столетья простоит.

Здесь ты обретёшь земную славу!
Время новый изберёт маршрут –
И казачьей вольницы забавы
В край степной столицу принесут.

И встаёт в веках она с отвагой,
Лихословна, буйна и горда –
Рать Петрова, Стенькина ватага,
Золотая русская орда.

Истина преодолет слухи,
И известен станет на века
Комендант степей, полковник Бухольц, –
Друг Петра, наследник Ермака.

ДЕРЖАВИНСКАЯ МЕДЬ

Я ныне вижу цель свою
В том, чтоб вернуть всебытию,
От пыли века оттереть
Державинскую медь.

В ней – беглый плеск реки времён.
В ней – мощного металла звон.
Сумеет смерть саму отпеть
Державинская медь!

В ней – Божий голос: «Аз воздам!» –
Властителям и судиям!
Могла о край небес звенеть
Державинская медь!

Пусть прозвучит сквозь сто эпох:
«Я царь – я раб – я червь – я Бог!»
Вовек не сможет умереть
Державинская медь!

И пусть в стихах моих звучит,
Звенит, как меч, трещит, как щит
Разумный колокол побед –
Державинская медь!

И ясен путь моей души,
Коль совесть может петь
Так, как звенит в ночной тиши,
Так, как звучит в ночной тиши
Державинская медь!

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ АДМИРАЛА

(как я вижу Колчака)

Кровь половцев. Британская шинель.
Густая желчь, проснувшаяся всплеском.
И острый взгляд с почти рапирным блеском.
И пуля, что летит всегда – не в цель.

Лихой озноб военного набега...
Снега и кровь...И каждый Божий день
Россия пахла первозданным снегом
И дымом от сожжённых деревень.

«Русь – кончилась. Её не сберегли...»
В боях казацких диких атаманов
Сибирь открылась, как большая рана,
Чтоб на неё просыпать соль земли.

И дёргалась улыбка тонких губ
От боли одиночества земного,
И взгляд был сразу жалким и суровым...
...Палач. Правитель. Кукла. Жертва. Труп.

...А сколько раз струилась кровь рекой,
И сколько раз, турецким гневом пьяный,
Кулак сжимался – грозно, первозданно,
И разжимался – слабо и легко...

Мороз. Бураны. Грубая шинель.
Озноб, налитый в душу, словно в чарку.
И смерть – отменной, офицерской марки,
На льду Иркутска, в полынье, в метель...

Земля седела от людских затей.
Глаза смотрели горестно и тупо.
И мчался Дон-Кихот вперёд – по трупам –
На мельницу истории своей.

Лети, лети. Что будет – не гляди.
Там – полынья, метель, мороз смертельный...
...А сколько впереди осталось мельниц...
И сколько крови, боли – позади...

РЕРИХ

Мы – беловодцы, мы – гипербореи,
Из неба, снега и сиянья смесь.
Над гималайской тропкою, старея,
Мерцает голубая дурь небес.
Медлительные, словно черепахи,
У входа в храм, храня глухую честь,
Как иероглифы, стоят монахи,
Самих себя пытаются прочесть.
Мохнатые народы в белых кручах
Веками вход в подземье стерегут.
Их каменная судьба – не лучше,
Чем огненная йога войн и смут.
Несутся звуки войн, как будто черти,
В фарфоровые, злые небеса.
Тибет, как кукла на руках у Смерти,
Наивно пучит синие глаза.
Вращенье колеса... Молчанье храма...
Багровый, вечно нежилой восход...
И жизнь разинута, как яма Ямы,
И смерть разинута, как небосвод.

В горящем мире, средь чумного пира,
Едва звучит мелодия чудес,
Но Рерих, словно Рюрик, с камня мира
Глядит в восточное лицо небес.
Молчит устало нежилое небо,
Скуластых гор улыбка тяжела,
И сами порождают чудо-нервы
Смешенье правды, лжи, добра и зла.
Я эти бреды, странные, как Веды,
Пишу в тетради, и мелеют дни,
И в будущем я вижу – беды, беды...
Ом мани падме хум,
Или лама савахфани.

Как прост простор! Простая правда праха
Нас не сведёт, несведущих, с ума.
Звучит трубой тибетского монаха
Либретто оперы «Священная Зима».

Святой и грешный, огненный и тленный,
Свой узловатый напрягая мозг,
На смертной высоте, поверх Вселенной,
Молюсь, струюсь, теку, как белый воск.
Здесь, на отрогах смерти, в Гималаях,
Нашёл себя я, сам себе не рад.
Здесь облака и ламы принимают
Веков и гор предсмертный плац-парад.
Молчат, скрывают золотую сказку
Остроги многорогих острых гор,
И неулыбчив, и вдвойне неласков
Земной нечеловеческий простор.

Вопросы изогнулись червяками
Из яблока, что ел в раю Адам:
Что жизнь твоя? Чего ты ждал веками?
За что ты отдан бесам и годам?
В уме держу я правду, как в застенке,
А правда – рвётся совершить побег,
Путь держит в Персию заблудшим Стенькой,
Находит – плаху после ста побед.

Как жаль, что тело на меня надето!
Я вижу, как, не чтя моих трудов,
Века сияют азиатским светом
Сквозь каменные веки городов.
И, сквозь тысячемильную преграду,
Я вижу, – мне даёт Махатма знак, –
Как Азия идёт по Петрограду,
Сквозь сложенный из камня древний мрак.
Русь бредит Богом, ей и неба мало,
Она стремится за небо утечь, –
И Азия с Финляндского вокзала
В гранитном Петрограде держит речь.
Бушуют скифы в петроградском храме,
Поэма Блока явственно горчит,
Мадонна с азиатскими глазами
Молчит, молчит, молчит, молчит, молчит...

Молись Христу, пророку или Будде –
Рай всем один, у каждого свой ад.

Обломов, будто русский Будда будней,
Залазит глубже в пёстрый свой халат.
Халатом Азия на мне сомкнулась,
Связав меня и дух освободив.
То Мория – или зловерный Нуллюс
Велит в предсмертной высоте бродить?
Но слушай, но – внимай, благоговей:
Укутанные в шубы и в меха,
Над Родиной твоею и моею
Махатмы могут крыльями махать...
Мы, Рюрики, Мамаи и Иваны,
В азийском ханстве Хама все равны.
Но рано нам достались наши раны,
И наши страны слишком уж странны...

Но сквозь заброшенный на небо невод
Текут ветра, неведомым дыша,
И горы скалятся, и рвётся в небо
В их челюстях зажатая душа...
И явлен мне столетий острый остов –
В нём синий хмель запретных нам высот,
И человек, как вечный гость погостов,
И жизнь, навеки вплавленная в лёд.

БЕЖИН ЛУГ

* * *

Утоли мои печали
Светом солнечного дня,
Стуком маленьких сандалий
На дорожке у плетня,

Детским смехом, чистым взором,
Неспешащим разговором,
Красотой всея Земли
Жажду жизни утоли.

Дай мне, жизнь, поверить в Бога,
Что всегда сильнее зла,
И в придачу – хоть немного
Человечьего тепла.

Дай приют, что мне не тесен,
На столе – огонь свечи,
И ещё – немного песен,
Мной написанных в ночи.

Дай мне верные ответы
В споре памяти с судьбой,
И ещё – немного света,
Сотворённого Тобой.

Где-то в небе Бежин луг
Зацветает в тишине.
Мой двойник, небесный друг,
Там гарцует на коне.

Он летит в своё ничто,
Облака – над ним и в нём.
А внизу – земной простор
Весь порос сухим быльём.

А во мне – зима навек,
Белый окоём окна.
Яблоками пахнет снег,
Снегом пахнет тишина.

А во мне – изба да печь,
Треск свечи да сон зерна.
Там, где нечего беречь,
Там и смерть нам не нужна.

Там, где некого беречь,
Там и некого любить.
Вот тогда речушка-речь
И несётся во всю прыть

В то ничто, где Бежин луг
Зацветает над землёй,
Где летит небесный друг
И меня зовёт с собой.

Да будет так, как хочет Бог:
Суров скитания итог.
И ты, переступив порог,
Не зажигай огня.
Войди в тот дом, в котором ты
Узнал стремленья и мечты,
Взгляни в себя из пустоты
Законченного дня.

Во тьму, как в зеркало, взглядишь:
Ты понял, что такое жизнь,
Замкнулся путь крестин и тризн,
На плечи давит ночь.
И в темноте не угадать,
Куда идти, к кому взывать,
Но тихой песни благодать
Способна всем помочь.

Взгляни на огонёк свечи,
Перестрадай, перемолчи:
Вот так сгорел и ты в печи
Прошедших буйных лет.
Но за границей естества
Твоя душа всегда жива,
И в памяти всплывут слова:
Да будет в мире свет.

УСПЕНСКИЙ СОБОР

Всё те же – в неба синей раме –
Черты Господнего лица.
В Успенском бесконечном храме
Свершится служба до конца.

Над нашей жизнью непутёвой,
Навязчивой, как грешный сон,
Небесной тяжестью суровой
Успенья купол вознесён.

И сквозь всю ложь, все небылицы,
Как след космических высот,
По венам тёплый Бог струится
И откровенья крови ждёт.

И с нами – здесь и в дымке млечной –
Струющийся по венам Бог,
Успенья купол бесконечный
И жизни звёздный холодок...

В ХРАМЕ

Храм, как колодец, тих и тёмн, –
Сосуд, воздетый над землёй
В простор, что страшен и огромен,
Где плещет тьма – живой водой.
И в сумрачном колодце нефа,
Где ходят волны полутьмы,
Мы черпаем любовь из неба –
Мы взяты у небес взаймы.
И тьма волнуется, как море,
Где раздробил себя Господь
На звёзды в сумрачном просторе,
Чтоб сумрак плоти побороть.
В Твоей тиши душе просторно.
Там глубину находит взгляд,
Там сквозь меня растёт упорно
Столетий тёмный вертоград.

А рядом – нищие, калеки,
Юродства неувядший цвет.
Осколок Божий в человеке
Сквозь плоть свой источает свет.
В неверном пламени огарков
Темнеют лица стариков,
Пророков, старцев, патриархов
Из ста колен, из тьмы веков.
Древнее Ноя, Авраама,
Древнее Авелевых стад –
Они от века люди храма,
Лишь ими град земной богат.
И, возносясь под самый купол,
Воздетых рук стоперстый куст,
Что Господа едва нащупал,
Пьёт полумрак всей сотней уст.

Но – выше дня и выше ночи
Безмолвствуешь над Нами Ты,
Ты – сумерек нетленный зодчий,
Пастух вселенской темноты.

Твой дух под куполом витает,
Превыше человеческих троп,
И вещей сумрак возлагает
Свои ладони мне на лоб.

Как тяжело Твоё прощенье,
Быть может, гнева тяжелей.
Но Ты – наш Царь, и Ты – Служенье,
Ты – кровь, Ты – плоть, и Ты – елей.
Ты – голубая вязь страницы,
Ты – тот псалом, что я пою.
Облек Ты ближе власяницы
И плоть мою, и суть мою.

Тебя я строю, словно птицы –
Гнездо. Стою в Твоем строю.
И в людях, не смотря на лица,
Твой ток вселенский узнаю.

Ты, не уставший с неба литься
В немой простор моей страницы –
Господь! Прими мольбу мою.

ПОПЫТКА МОЛИТВЫ

Или, или, лима савахфани!

В старинном, полутёмном храме,
Там, где крылат молитвой звук,
Где светится над небесами
Иконостас из лиц и рук,
Там, где над безднами бессилья,
Над миром, над добром и злом
Врата раскидывают крылья
Двуглавым золотым орлом, –

Где жизнь, как песня, звучно спета
И будто в воздухе распят
Псалом из золота и света,
Припавший к телу Царских Врат,
Где, бега дней не разумея,
Киот украшенный стоит,
И лики у святых темнеют,
И золото вокруг звучит, –

– Там я, худой, смиренный, тихий,
В иконных ликах узнаю –
За гранью шёпота и крика –
Гордыню адскую мою...
И Испытующий в любви
Пытает: – Кто ты?
Кто же ты?
До глубины, до слёз, до крови,
До немоты, до наготы...

И книга воспаряет птицей
Над строгостью недвижных плит,
И рвётся бездна со страницы,
И душу лапами когтит...
И, в переплетах песен с адом
Страданье зная наизусть,
Я чувствую, что рядом, рядом –
Тот, про кого молчать боюсь...
Голгофским стоном вознесётся

Мой зарифмованный порыв
Над золотым орлом, над солнцем,
К Тому, Кто здесь единый – жив...
Срываясь в песню, словно в бездну,
Молюсь, дрожу, шепчу урок:
– Я, может быть, ещё воскресну...
Господь, Господь...
 дай срок...
 дай строк...

Звучит Другой в моём напеве...
Грешны молитвы тёмных вод...
Но зреет на засохшем древе
Господь – целебный, горький плод.
...Но чудится, что в тёмном нефе,
Молчанье мудрое храня,
Укрытый в потаённом небе,
Цветёт Господь вокруг меня.

«Лицо Блудного сына»

ВНУТРЕННИЙ АФОН

Творенья третий день, огромен,
Явился мне во мне самом.
Твой замысел упрям и тёмнен:
Бог – музыка, где я – псалом.

Пусть беден слог, как нищий в храме, –
Над ним мерцает Божий лик,
Зажженный судными свечами,
В их свете вещ и стоязык.

Господь над каждым нищим словом,
Как тёмный купол, вознесён,
И в сердце перезвоном новым
Звучит мой внутренний Афон.

Туда, туда, в уединенье,
Где Бог и я, где я и Бог
Молчим над светом и над тенью,
Распутав узел ста дорог!

И над простором богомольным
Пусть век и впрок на сто ладов
Звучит с меня, как с колокольни,
Господень молот – вечный зов!

И небо спит, и небу снится:
В псалмах, что пишет отрок Твой,
Сияет каждая страница
Господней вязью голубой.

Пребуду я – вне роз и терний –
Царём молчанью Твоему
И небом в серебристой зерни
Град обречённый обниму.

ПСАЛОМ 90

От века в век Господь – твоя защита,
Прибежище твоё во дни невзгод.
Пребудь же с Ним свободно и открыто,
Не бойся плоти – и иди вперёд.

Покроет Он тебя Своим покровом,
Крылами осенит пророка Он.
Пребудешь ты – не воинством суровым,
А Истиной Господней ограждён.

Иди, – да не затмятся страхом очи, –
Не бойся ни врагов, ни смертной мглы.
Не убоишься ты ни страха ночи,
Ни аспида, ни язвы, ни стрелы.

Увидишь ты возмездие безбожным,
Увидишь ты, как страшно гибнет плоть,
Покорная зловериям ничтожным,
Когда её не сохранит Господь.

И тысячи падут, и сотни тысяч,
Тьма всей земли восстанет на тебя,
Но ты, не веря в смерть, желай спастися,
Свершая правду, кротость возлюбя.

Скажи: «Господь – мой кров и упование,
Прибежище моё во дни невзгод.
Он мне открыл высокое призванье
Идти, идти, идти – всегда вперёд».

И призовет Он ангелов бессмертных,
Даст им свершить нелицемерный суд:
Они спасут тебя от бед безмерных
И на руках над бездной понесут.

И лев и змий склонятся пред тобою,
Затихнет аспид, смолкнет василиск,
Когда, избличён Его трубою,
На тусклом небе обагрится диск.

И скажет Вышний: «Не боясь разбоя,
Ты Мне служил в песках и в городах.
Взывай ко Мне; тебя Я успокою;
С тобой пребуду в скорби и в трудах;

Измучу тебя из мук и тем прославлю,
Продлю твоё земное бытие,
От нечестивца и лжеца избавлю,
Явив во всём спасение Моё».

* * *

Бог – обнажённый тополь –
Зазеленел весною
Под серым дождём свинцовым,
У края тёмной аллеи.

На плитах пустой дороги
Шаги едва раздаются;
Дождик молитву шепчет,
Светлея с каждым поклоном.

В тучах тёмной водою
Незримо плещется время.
Дома поднимают шпильи
Сквозь одинокий воздух.

Стихли древние стоны.
В земле затаилось пламя.
Давно под ногами прохожих
Колышется тонкая плёнка.

Тени летают тише,
Всё тише под плоским небом
И шепчут тихие песни
О паденье кумиров.

* * *

Я разбил над землёй
В сиреневый этот вечер
Свой невидимый сад –
Тропинки, арки, аллеи;

Осколки снов и надежд,
Паденья, метанья, взлёты,
Сиянье белых одежд,
Следы на песке дороги;

Фигуры из давних снов,
Случайные взгляды из дали,
Где тень Твоя восстаёт
В день третий над тихим миром;

Сиреневый горизонт,
Зелень сходящихся тропок –
Невидимый сад надежд
Под небом обетованным.

* * *

Бог уронил меня слезою
В огромный мир, в холодный край,
И я теку своей стезёю,
Искрясь и плача – невзначай.

И я шепчу, шепчу с запинкой,
Всё тише, тише, всё нежней:
– Я, Господи, твоя слезинка.
Смахни меня с щеки твоей...

Господь слезы не утирает.
Он смотрит в ад, и от огня
Слезинка пламенем пылает,
Горит... как сердце у меня.

ЧАСЫ СО СКОРПИОНОМ

Мне подарили однажды вещицу из бронзы:
Царь-скорпион на хвосте держит чашу с часами.
Хитрая вещь! Я тебя называю с улыбкой
Вещью-в-себе-и-во-мне.

Время, что бронзою стало и хвост изогнуло,
В руки беру, кожей ласковый холод читая,
И металлической вечности чистая тяжесть
Дремлет в ладони моей.

Цокот мгновений течёт по хвосту скорпиона.
Вижу отлитые бережно сжатые клешни,
Солнце, блестящее на металлических лапах,
Жало на остром хвосте.

Бронза рядится то в тяжесть, то в блеск, то в стучанье.
Хвост изогнул скорпион под часами упруго,
И вокруг вечности, словно вокруг циферблата,
Время со стуком течёт.

Дважды нездешний мотив одномерного стука
Учит нас в однообразье провидеть бессмертье –
Синий простор обрести для себя в безупречном,
Чистом, огромном Нигде.

Жизнь с разрушением спорят внутри механизма,
И часовой механизм, как давилня мгновений,
Жар страстотерпный в безжизненный хлад обращает.
Жилиста суть перемен.

Святость жестока твоя, одномерное время!
Миги веками идут, но уходят лишь люди.
На языках разных лет ты звучишь по-иному,
Время – напев для глухих.

Несуществующий молот крушит всё живое.
Пусть нерушимое вновь сокрушат нерушимым!
Бог нас создал как вместилища противоречий,
Чтоб срифмовать да и нет.

Мир, отражённый в просторном нуле циферблата,
Воспоминанием став, новый облик находит.

Плоское зеркало мига шуршит, раздвигаясь
В прошлое и в небеса.

Я, отражаясь в нуле, вижу в нём скорпиона.
Ноль, отражаясь во мне, видит быстрое время –
Время, свой хвост скорпионий вонзившее в сердце
Мне, и тебе, и ему!

Но в кровотоке минут, что весьма привередлив,
Можно мне вырваться из узких скобок момента
И за пределом нуля, обведённого стрелкой,
Звуки и свет обрести.

Вот, плодоносное время! В пыли или в бронзе
Всё оно – только попытка упрямого праха
Цельностью нечеловеческих лиц, из-за грани смотрящих,
Дробность минут превозмочь.

Всходы ушедших мгновений сквозь нас прорастают.
Предки истлевшие полнят собою природу:
Будто вином, виноградины наших мгновений
Костным их мозгом полны.

На наших лицах напишет поспешное время
Выводы из уравнений, не знавших решенья.
Чуткая мгла, что страшна для плодов и для веток,
Благоприятна корням.

Цокот мгновений в Великом Нуле одномерен,
Он усыпляет и нас, и богов, и природу,
Чтобы во сне новый бог – бог строитель и воин -
Смог сотворить сам себя.

ПОТОК СОЗНАНИЯ

Я удивлялся в жизни много раз
Как у убийцы чисто пахнут руки
Он моет их под краном каждый час
Наверно от безделья или скуки

Он лжец он *лицемёр* почти святой
Его уста невинны как и взоры
От них всюду воняет чистотой
Сквозь телевизоры и мониторы

Друзья мои ужасен наш союз
Союз народов армий и сословий
От выдуманных ангелов и муз
На мостовой следы реальной крови

В дождинках небо мнётся на траве
За выдуманных ангелов в ответе
От ливня искры мокнут в голове
Я разбиваюсь как плевков об ветер

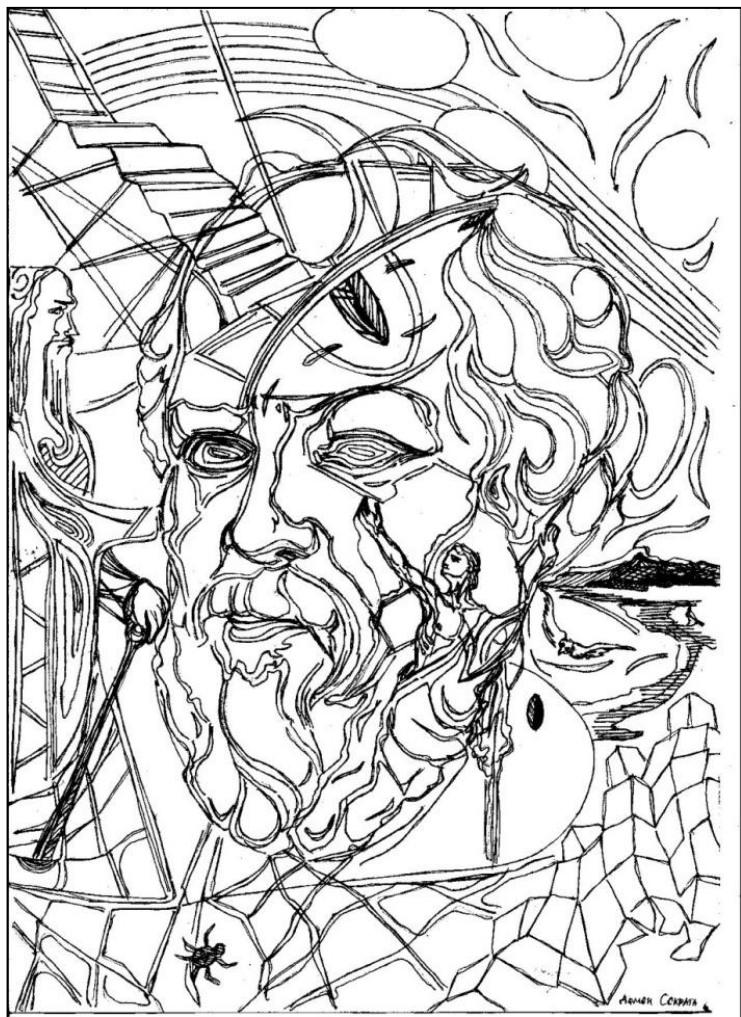
Поют шансон последние гроши
И не на кого в мире положиться
Людей полно но нету ни души
Среди полусмертей и полужизней

Пусть я один но я не одинок
Мой дождь привык со мною куролесить
Мой зонтик проживет ещё годок
А головы мне хватит лет на десять

Пиши строчи чего-то сочиняй
Потом порви потом башкой об стенку
За это всё ты повидаешь рай
Он розовый как девичья коленка

Никто живым не выйдет из огня
Но говорят же верят люди слепо
Что кто-то где-то прыгнул из окна
И взмыл в рассвет пробив башкою небо

Безумец не сойдёт вовек с ума
Так что же я писал стихи напрасно
И ночь черна как чернота сама
И на земле так жутко и прекрасно

«Внутри головы Сократа»

ИЗ ЧЬЕГО-ТО ДЕТСТВА

...Быть может, так и нужно – в горький миг
Припомнить детство, снова стать ребёнком,
Шептать молитвы голосом негромким,
Не ведая учёности и книг?

Я позабыл всё то, что прежде знал,
Я помню лишь дорогу сквозь метели
От дома – к школе... и густые ели,
и ветер, острый, твёрдый, как металл.

...И я пойду по снегу января,
Как первоклашка, в стареньком пальтишке,
Опять, туда, туда, где свет, заря,
Где школа ждёт...
Но поздно, поздно слишком

Я вышел в путь, расстался я с теплом,
И снег метёт, и ветер режет щёки...
Как тяжелы, Господь, твои уроки,
Как горек хлеб и как непрочен дом!

И Смерть меня потреплет по щеке,
Как будто мама, и возьмёт за ручку,
И я за ней пойду, ведь это лучше,
Чем мёрзнуть от родимых вдалеке.

А все тропинки снегом замело.
И мы идём сквозь выюгу пустырями.
И к Смерти я прижмусь, как будто к маме,
Чтоб вновь родное ощутить тепло...

Верь, я здесь, я жду,
Только позови.
Тишина в саду,
Тишина в крови.

Холод поздних слёз,
Холод белых глаз.
Тот, чью весть ты нёс,
И тебя не спас.

Белый луч во мгле
Жжёт, и жжёт, и жжёт.
Шрамы на челе
И кровавый пот.

Холод горьких глаз,
Холод поздних слёз.
Сорок раз предаст
Мир тебя, Христос.

Не распят ещё,
Но уже пронзён.
Кровью лба и щёк
Камень весь прожжён.

Накануне жертв
Молишь ты Отца,
А на лбу уже –
Шрамы от венца.

...Тишь родных могил,
Белизна утрат.
Тихим-тихим был
Гефсиманский сад.

Тишина в саду.
Тишина в крови.
...Верь, – я здесь, я жду,
Только позови.

Когда я буду умирать,
Хочу, чтоб смог я прошептать
О том наивном, самом главном,
О чём сейчас мне не сказать.
Чтоб был я нищ, угрюм, забыт,
Оставлен всеми, брошен в быт,
Который давит, мучит, душит,
Чтоб я горел в аду обид.
И чтобы не было со мной
Семьи, друзей, детей с женой,
Чтоб я наедине остался
С нелёгкой правдою земной.
...Но чтобы рядом в тишине
Белела яблоня в окне,
Цвела, пьянела, полыхала,
Протягивая ветку мне!

РАСПЯТИЕ

Со всех сторон – огонь.
Огонь во мраке.
Вцепился гвоздь в ладонь,
Как зуб собаки.

Крест чувствую спиной,
А небо – кожей.
Господь болеет мной,
Но терпит всё же...

Друзья, увидев кровь,
Бегут от чуда.
Жив из учеников –
Один Иуда...

– «Ты где, Господь? Ответь!»
– «Мой сын, держись!»

Я думал, это смерть...
А это – жизнь.

«АГОНИЯ»

ВОСКРЕСЕНИЕ

Триптих

1

Я лежал в пещере.
Гвозди горели в руках и ногах.
Я кричал, я звал.
Никто не откликнулся.
И я воскрес.

2

Я воскрес.
Гвозди горели в руках и ногах.
Я кричал, я звал.
Никто не откликнулся.
Я лежал в пещере.

3

Я воскрес.
Никто не откликнулся.
Я лежал в пещере.
Гвозди горели в руках и ногах.
Я кричал, я звал...

ПРЕДСКАЗАНИЕ

...Будет всё, как теперь, как сейчас,
Только небо чуть-чуть потемнеет,
И туман в глубине наших глаз
Вдруг последней утратой повеет.

Обагрится небесная даль,
И запрутся дощатые двери,
И увянет цветущий миндаль,
И смешаются люди и звери.

Будут крики, и споры, и злость...
Утро будет глухое, сырое...
Будет ныть сокрушенная кость,
Будоража, будя, беспокоя...

А потом – мир надолго замрёт.
Тишина. Немота. Безучастье...
И предательски быстро уйдёт
Обманувшее странников счастье.

Разомкнутся сухие уста,
Тело рухнет в потёмки глухие,
И ладонь отпадёт от креста,
И народ отпадёт от Мессии.

В синем взоре засветится мрак,
И блудницы станцуют во храме,
И ладони сожмутся в кулак –
Те, что были пробиты гвоздями.

СВОБОДА

Зинаиде Миркиной

Я знаю эту тайную свободу –
Свободу выбирать себе пути,
Соваться в воду, не ища в ней броду,
И по воде, как посуху, идти.

Свободствуя, я вижу чудо всюду.
В себе найду смычок я и струну.
Я накоплю свободу, как валюту,
Как золото, намытое в плену.

Свободы верной золотые слитки –
Свобожества магический кристалл...
Попытки овладеть им хуже пытки,
В которой люди гибнут за металл.

Но есть одна неявная свобода,
Не знающая формул и имён, –
Свобода голубого небосвода,
Свобода верить в Чудо, как в Закон.

Свободе мы научимся у хлеба,
У птицы, что свободствуется сейчас.
Свобода – третий глаз, восьмое небо,
Шестое чувство, выросшее в нас.

Есть в человеке тайная дорога,
Путь сквозь себя,
сквозь рабство, боль и страх, –
Свобода на кресте молиться Богу
И – воскресать с улыбкой на устах.

У КАМИНА

Хотел ты жизнь познать сполна:
Вместить в себя явления сна,
И прораствание зерна,
И дальний путь комет.
И вот – ты одинок, как Бог.
И дом твой пуст. И сон глубок.
В камине тлеет уголёк
И дарит слабый свет.

Ты всё познал, во всё проник,
Ты так же мал, как и велик,
И твой предсмертный хриплый крик
Поэзией сочтут.
Всё, что в душе твоей цвело,
Давно метелью замело,
Но где-то в мире есть тепло –
Там, где тебя не ждут.

Всё кончилось, – любовь, тоска, –
Но бьётся жилка у виска,
А цель, как прежде, далека.
В дому твоём темно.
Открой окно, вдохни простор, –
Ты с небом начинаешь спор,
А на столе, судьбе в укор,
Не хлеб и не вино.

Что было, то навек прошло.
Зло и добро, добро и зло
Влекут то в холод, то в тепло,
И вечна их печать.
И ветром ночи дышит грудь,
Но ты всё ждешь кого-нибудь,
Чтоб дверь пошире распахнуть
И вместе путь начать.

К себе ты строг. И вот – итог:
Теперь ты одинок, как Бог.

Но всё ж ты смог из вечных строк
Создать звучащий храм.
Но вдруг волнение стиснет грудь:
Твоей души коснулся чуть
Тот, кто последний вечный путь
Указывает нам.

* * *

Солнце летит по вселенскому кругу,
Круг совершает Земля.
Странник идет по просторам сквозь вьюгу.
Снег замечает поля.

Странник идет шаг за шагом упорно,
Ветер в лицо ему бьёт...
Все мы падем в эту землю, как зёрна,
Все, – лишь настанет черёд.

Но в одиноких заснеженных кельях
Свечи чуть видно горят,
Есть в сердце горе, но есть и веселье,
Есть где-то рай, где-то – ад.

Строки выводит перо в пальцах тонких,
Пишет: «Пора, друг, пора!»...
Все человечество – предки, потомки –
Каплей слетает с пера.

В капле чернил – целый мир, и отвага
В нём поселилась навек...
Только перо вновь бредёт по бумаге,
Как тихий странник – сквозь снег.

ЭПИЛОГ

ФРАГМЕНТ ИЗ ЖИЗНИ

*БСМП. Меня загипсовали
И отпустили быстро покурить.
Я вышел в ночь.
Как в планетарной зале,
Со мной пытались звёзды говорить.
Д.Соснов*

Он вышел в ночь. Слегка дымилось небо.
Гипс на руке ещё мешал – чуть-чуть.
Спала больница. Локоть ныл нелепо...
Он закурил. Вдохнул. Расправил грудь.
Горячий пепел сыпался на снег.
Дым сигареты поднимался к звёздам.
Всё было зря... И поздно, слишком поздно
Твердить, что это было – сном во сне.

Он погремел в кармане медяками:
Фальшивый звон, фальшивый, пошлый мир,
Фальшивый псевдорыцарский турнир,
Где пошляки воюют с дураками...
И всё фальшиво: спешка, беготня,
Размолвки с милой, пьянки, литскандалы,
Погони, премиальная грызня,
Газеты, альманахи и журналы,
Бумажные фальшивые дома,
Бумажные искусственные люди...
Так поневоле тронешься с ума,
Когда тебя в писательских домах
Смакуют, словно голову на блюде.
А хорошо бы дёру дать из мира
Назло богам, на смех иным векам...
Монеты звёзд – небось фальшивки? – мило
Звенели, подпевая медякам.

Да, он был неудачник, к сожалению.
Как антитело, в нём жила душа,
Вещь, склонная к полёту и паренью,
Любительница делать антраша.

И кто он? Что? Объект дурных вестей,
Чудак, что не затихнет и в могиле, –
Пять литров крови, полмешка костей,
Сто килограммов мышц и сухожилий.
Но всё глупее лыбилась судьба,
И всё пошлей скучалось год от года,
И начинало не хватать себя,
Как тонущему в море – кислорода.
Года прошли, и мы уже не те.
Что может быть банальней в нашем веке,
Чем человек, что ноет в пустоте,
И пустота, что ноет в человеке?
Умаялась душа, устало тело,
На срок у праха взятое взаймы,
Но одиночество его горело,
Как огонёк в окне у края тьмы.
Он, обделённый гибелью и жизнью,
Один, без денег, друга и сестры,
О чём-то небывалом тайно вызнал,
И пил, и злился, и плевал в миры.
Вокруг него справляли торжество,
Танцую в хороводе, словно люди,
Великие Никто и Ниоткуда,
Ничто, Нигде, Никак, Ни Для Чего.

И жизнь пуста, и смысла в ней не будет...

Но был Один, кто понимал его.

Был Тот, кто мог лишь Сам Себе молиться,
Был Тот, кто создал правила игры,
Тот, Чья рука небрежно, как вещицу,
Забросила нас в бездны и миры.

Недаром наш поэт средь суматохи,
Как будто соблюдая некий пост,
Всё утомлял себя, назло эпохе,
Наукой об узорчатости звёзд.
Тот строгий факт, что в небе нет углов,
Не помешал ему быть угловатым –
Неловким, странным и замысловатым,
Не любящим острот и пошлых слов.

Следя трудов и дней неслышный ход
И преодолевая равнодушие,
Себя он, словно раковину, слушал:
Какое море нынче в нём поёт?
Когда казалась западней судьба,
Он напрягал глаза до слёз смертельных...
И вот – под одиночеством прицельным
Он, как под лупой, рассмотрел себя.
В нём кровь текла – подспудно, зло, багрово.
Всё тихо... всё спокойно... ничего.
Он вслушивался в гул глубинной крови.
И звёзды тоже слушали его.

Вдруг в небе что-то (он не ведал что)
Из темноты и синевы изъяли,
И ожили струящиеся дали,
Как лёгкий купол в цирке шапито.
Сияние текло, как молоко,
В недостоверности ища приятность,
Туда, где равнодушно и легко
Густела и темнела беспощадность.
Метеориты сквозь простор текли,
И он следил, себя не понимая,
Как небо пядь за пядью отнимает
Его, ещё живого, от земли.

Он удивлялся небу, как подарку,
Который получаешь много раз,
А звёзды прятались от острых глаз
И каялись, что светят слишком ярко.
Как Мухаммад – сквозь семь небес Аллаха,
Сквозь семь кругов, сквозь семь орбит светил
Ум пролетал, не зная тла и страха,
И самого себя превосходил.

Он ждал ответа с неба, словно битвы,
Чтоб гневом гнев небес преодолеть,
Но ангел сбросил вниз его молитвы,
Не смея ими править и владеть,
А Бог – распался на осколки тьмы,
Чтоб, вновь Себя собирая воедино,
Познать в его крови Свои глубины,
В которых слиты Он, простор и мы.

Поэт молчал. Курил. Дымок туманный
Куда-то к молодой луне несло.
А время загноилось, словно рана,
И мучило его, росло и жгло.
Его, как будто нить, вело сквозь годы,
И то, чем люди живы, он забыл
Еще тогда, когда он Богом был, –
В просторном детстве, на руках природы, –
Когда, смотря из прошлого с улыбкой,
Небытие ребёнку пело всласть...
Но прошлое вдруг сделалось ошибкой,
В которую дано нам снова впасть.
Ребёнок, друг деревьев и собак,
Проснулся в нём, прочтя с листа дыханье...
И круг времён он принял сам в себя
И выпрямил до знака восклицанья,
Счищая суету, как будто накипь,
С обид и ссор, вошедших в строчки книг...
И дни стояли ровно, словно знаки,
Вдоль вечности его, вмещённой в миг.
И, проходя сквозь ум его насквозь,
Из достоверности в непостоянство,
Три измеренья времени шли врозь
С тремя координатами пространства.

А Бог играл, Бог забавлялся снегом...
Он, измеряя наш удельный вес,
Отрезал близорукость человека
От чуткой дальнорукости небес.
А тот, кто только что едва не стал
Кириллицей, набором букв и строчек,
На встрече двух Великих Одиночек
Тому, Кто одиноче, возражал:

«Всё наше зренье – тоже слепота.
Прозрением Адама мы ослепли.
Но свет – свет остаётся навсегда.
Как звёзды в темноте. Как кости в пепле.
А я люблю одно – земную боль,
Которая сквозь плоть сияет тонко,
Как ветер любит снег. Как мясо – соль.
Как песня – тишину. Как свет – потёмки.

А это небо, стало быть, ничьё.
И можно мне, как на цепи, на нерве,
Влезть в бесконечность, в инобытиё,
Остаться нелегалом в тайном небе?»

А Бог молчал, высок и близорук.
Как подружиться с Ним поэт ни хочет,
Недопустима дружба двух разлук,
Двух не-систем, двух разных одиночеств.
Молчаньем зарифмованные строчки,
Великие Нигде и Никогда
И, как две Ослепительные Точки, –
Зрачок и отдалённая звезда –
Ни ямба, ни амфибрахий, ни хорей
Их не срифмуют, к их же славе вящей.
Нет времени лукавей и хитрей,
Чем это Будущее-в-настоящем.
Зачем зря напрягать гортань и связки,
Когда возможно, вечность повторив,
Использовать звезду взамен указки
На место, где родится новый миф?

...Как шапка, спала с головы молитва.
Водовороты взоров улеглись.
Пройдя сквозь хмель любви,
вражды и битвы,
Он приручил обманчивую высь.
Как маятник, качался голый ветер
Среди ветвей больничного двора.
Ему казалась слаще всех на свете
Игра в слова... жестокая игра.
Играй, пророк, жги нам сердца, пророчь!
Но не мечтай жить с нами, жить не снами...
А колокол звенел в далёком храме,
Из бронзы отливая эту ночь.

СОДЕРЖАНИЕ

Живущий речью. В.Алейников

Запретный город

ВИШНЁВЫЙ САД

Воробьиная ода

Чудак

Прочное в сменах

На мотив романа

Прощание с Маиром

«На Венецию падает снег...»

Памяти Евгения Евтушенко

Шестикрылый серафим

Бедный рыцарь

Девяностые

«Любой, кто засыпает, одинок...»

Пропись в клеточку

Вишнёвый сад

Один в комнате

Ухо Ван Гога

Безумное чаепитие

К музыке

Не только о пиджаке

«У каждого свой Бог...»

О розах и ещё о чём-то

О себе

ВЕРЕСК ЦВЕТЁТ

1 января 2017 года

Большая ода невесомости

Падение гигантов

Песня

Вереск цветёт

Ночь на озере

Вкус земляники

Акварели

Последнее тепло

Осенние мотивы

Осень

Степной гимн
Старинный напев

ГОРОД СОН

Державину. Жизнь омская
Город
Сибирская судьба
Самоубийца
Бомж
Окраина
«В скучном доме, в скучном дыме...»
«Птичка Божия узнала...»
Новое прочтение берёзы
Я – тополь
Слёзы старого дома
Ода омскому метро
При заводское
Ночь в сквере
Ночь на берегу
Бесприданница
Ветер и волны
Сад Врубеля
Расшифровываю снег
Утро первого снега
«Город Сон над рекой Тишиной...»

СЕКС НА ПЛЯЖЕ

Падежи
Романс
Я люблю этот сад
Люди и месяцы
Романс
Онегинское
Страсти-мордасти
Тёмная вода
Встреча во сне
Нечаянная встреча
Колыбельная чужому сыну
Мой несбывшийся храм
Любовь
Секс на пляже

Восточный поэт
«Остановите время, я сойду...»
Орда
На поле Куликовом
К Элизе
Голос Дженни
Ибо прах есмь

ПРИЗЫВ К ТОПОРУ

Всё о жизни
Москва
Ночь в Византии
Моя Сибириада
Москва-Сибирь
Призыв к топору
Революция
«Перпендикулярная страна...»
Инферно
Мой Трансвааль
Враг
Когда закончится Троянская война
Письмо в военном музее
Девушка пела
Осень патриарха
Тени забытых предков
Жили-были

ПРОМЫВАЯ ВРЕМЯ

Золотой песок
«Я листал, словно старый альбом...»
К вопросу о происхождении человека
Аввакуму
Сентиментальный палач
Колумб вернулся
Памяти Ивана Бухольца
Державинская медь
Штрихи к портрету адмирала
Рерих

БЕЖИН ЛУГ

Бежин лут
Успенский собор
В храме
Попытка молитвы
Внутренний Афон
Псалом 90
Поток сознания
Часы со скорпионом
Из чьего-то детства
Распятие
Воскресение
Предсказание
Свобода
У камина

ЭПИЛОГ

Фрагмент из жизни